

Иван Тургенев

Провинциалка

Иван Тургенев

Провинциалка

«Public Domain»

1850

Тургенев И. С.

Провинциалка / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1850

Комедия «Провинциалка» принадлежит к числу тех немногих драматических произведений Тургенева, которые, войдя в репертуар русских театров в самом начале пятидесятих годов XIX в., продолжают жить на столичной и провинциальной сцене до наших дней. Определяя на основании предшествующего изучения театра Тургенева место «Провинциалки» в ряду других его «сцен и комедий», автор первой советской истории русского театра, С. С. Данилов, пишет, что вместе с «Где тонко, там и рвется» и «Вечером в Сорренте» «Провинциалка» особенно выразительно характеризует новаторские тенденции Тургенева «порвать с внешней занимательностью ходульного водевильного репертуара, противопоставив ему комедийную пьесу, бессюжетную, интимно-психологическую, полную внутреннего движения, скрытого за недомолвками и полунамеками».

© Тургенев И. С., 1850

© Public Domain, 1850

Содержание

Действующие лица	5
Явление первое	6
Явление второе	7
Явление третье	8
Явление четвертое	9
Явление пятое	10
Явление шестое	11
Явление седьмое	12
Явление восьмое	13
Явление девятое	14
Явление десятое	15
Явление одиннадцатое	16
Явление двенадцатое	18
Явление тринадцатое	20
Явление четырнадцатое	21
Явление пятнадцатое	22
Явление шестнадцатое	27
Явление семнадцатое	28
Явление восемнадцатое	29
Явление девятнадцатое	31
Явление двадцатое	33
Явление двадцать первое	35
Явление двадцать второе	36
Явление двадцать третье	38
Явление двадцать четвертое	40
Явление двадцать пятое	42
Примечания	43
Источники текста	43
Условные сокращения	54
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Провинциалка

Комедия в одном действии

Действующие лица

Алексей Иванович Ступендьев, уездный чиновник, 48 лет.

Дарья Ивановна, жена его, 28 лет.

Миша, дальний родственник Дарьи Ивановны, 19 лет.

Граф Валерьян Николаевич Любин, 49 лет.

Лакей графа, 30 лет.

Васильевна, кухарка Ступендьева, 50 лет.

Аполлон, мальчик Ступендьева, 17 лет.

Действие происходит в уездном городе, в доме Ступендьева.

Театр представляет гостиную в доме небогатого чиновника. Прямо дверь в переднюю, направо – в кабинет; налево два окна и дверь в садик. Налево в углу низенькие ширмы; спереди диван, два стула, столик и пьалцы; направо, на втором плане, небольшое фортепиано; спереди стол и стул.

Явление первое

За пальцами сидит Дарья Ивановна. Она одета очень просто, но со вкусом. На диване сидит Миша. Он скромно читает книжечку.

Дарья Ивановна *(не поднимая глаз и продолжая шить)*. Миша!

Миша *(опуская книжечку)*. Чего изволите?

Дарья Ивановна. Вы... ходили к Попову?

Миша. Ходил-с.

Дарья Ивановна. Что он вам сказал?

Миша. Он сказал-с, что всё будет прислано, как следует. Я особенно просил его о красном вине-с. Вы, говорит, будьте покойны-с. *(Помолчав.)* Позвольте узнать, Дарья Ивановна, вы кого-нибудь ожидаете?

Дарья Ивановна. Жду.

Миша *(опять помолчав)*. Можно узнать, кого-с?

Дарья Ивановна. Вы любопытны. Впрочем, вы не болтливы, и я могу вам сказать, кого я жду. Графа Любина.

Миша. Как-с, этого богатого господина, который недавно приехал к себе в имение-с?

Дарья Ивановна. Его.

Миша. Их точно сегодня ожидают в трактире у Кулешкина-с. Но позвольте узнать, разве вы с ним знакомы?

Дарья Ивановна. Теперь нет.

Миша. А! стало быть, прежде?

Дарья Ивановна. Вы меня расспрашиваете?

Миша. Извините-с. *(Помолчав.)* Впрочем, и я глуп. Ведь он, должно быть, сын Катерины Дмитриевны, вашей благодетельницы.

Дарья Ивановна *(посмотрев на него)*. Да, моей благодетельницы. *(За кулисами слышен голос Ступендьева: «Не приказала? почему не приказала?»)* Что там такое?

Явление второе

Те же и Ступендьев с Васильевой. Они выходят из двери кабинета; Ступендьев в одном жилете; у Васильевны на руках сюртук.

Ступендьев (*к Дарье Ивановне*). Даша, правда ли, ты приказала... (*Миша встает и кланяется.*) А, здравствуй, Миша, здравствуй. Правда ли, ты приказала этой женщине (*показывает на Васильевну*) не давать мне сегодня моего бешмета, а?

Дарья Ивановна. Я ей не приказывала.

Ступендьев (*с торжествующим лицом, обращаясь к Васильевне.*) А? что?

Дарья Ивановна. Я только сказала ей, чтоб она тебя попросила не надевать сегодня твоего бешмета.

Ступендьев. А чем же мой бешмет дурен? Он такой пестренький, с разводами. Ты же мне сама его подарила.

Дарья Ивановна. Да ведь сколько времени тому назад!

Васильевна. Ну, надевайте, надевайте сюртук, Алексей Иванович... Что, право... Хорош пестренький! На локтях прорвался; а сзади, так просто глядеть нехорошо.

Ступендьев (*надевая сюртук*). А кто тебе велит на меня сзади глядеть? Тише, тише! разве ты не слыхала? ты меня просить должна.

Васильевна. Ну, да уж вы... (*Уходит.*)

Ступендьев (*ей вслед*). Не рассуждай, женщина.

Явление третье

Те же, кроме Васильевны.

Ступендьев. Чёрт возьми, ужас, как под мышками режет! Бывают же такие подлые портные... так и кажется, что вот-вот кверху потянут на бечевках. Право, Даша, я не понимаю, почему тебе вздумалось меня нарядить в сюртук; теперь же скоро двенадцатый час, на службу идти пора, и без того фрак придется надеть.

Дарья Ивановна. У нас, может быть, гости будут.

Ступендьев. Гости? Какие гости?

Дарья Ивановна. Любин... Граф Любин. Ведь ты его знаешь?

Ступендьев. Любина? Еще бы! Так ты его ожидаешь?

Дарья Ивановна. Его. *(Взглянув на него.)* Что ж тут удивительного?

Ступендьев. В этом нет ничего удивительного, я совершенно с тобою согласен; но позволю тебе заметить, душа моя, это совершенно невозможно.

Дарья Ивановна. Почему же?

Ступендьев. Невозможно, совершенно невозможно. С какой стати он придет?

Дарья Ивановна. Ему нужно будет с тобою переговорить.

Ступендьев. Положим, положим; но это ничего не доказывает, совершенно ничего не доказывает. Он меня к себе позовет. Возьмет да позовет.

Дарья Ивановна. Мы с ним были знакомы: он видал меня в доме своей матери.

Ступендьев. И это ничего не доказывает. Как ты думаешь, Миша?

Миша. Я-с? я ничего не думаю-с.

Ступендьев *(к жене)*. Ну, вот видишь... Он не придет. Помилуй, как это...

Дарья Ивановна. Ну, может быть, может быть; только ты не снимай сюртука.

Ступендьев *(помолчав)*. Впрочем, я совершенно с тобою согласен. *(Проходясь по комнате.)* То-то сегодня с утра здесь такую подняли пыль... Ох, уж эта мне чистота! И ты такая нарядная!

Дарья Ивановна. Alexis, пожалуйста, без замечаний.

Ступендьев. Ну да, да. Конечно, без замечаний... Вишь, этот граф поразорился, так и к нам пожаловал. Что, он молод?

Дарья Ивановна. Он моложе тебя.

Ступендьев. Гм... Совершенно, я совершенно с тобой согласен... то-то ты вчера всё на фортепианах эдак того... *(разводит руками)*. Да, да. *(Напевает сквозь зубы.)*

Миша. Я сегодня к Кулешкину заходил-с. Так их там ждут-с.

Ступендьев. Ждут? Ну, так пускай ждут. *(К жене.)* Как же это я его никогда у Катерины Дмитриевны не видал?

Дарья Ивановна. Он тогда в Петербурге служил.

Ступендьев. Гм... Он, говорят, теперь в чинах. И ты думаешь, что он придет? Помилуй, помилуй!

Явление четвертое

Те же, и из передней выходит Аполлон; на нем голубая ливрея с белыми пуговицами, весьма неловко скроенная; лицо его выражает тупое изумление.

Аполлон (*таинственно Ступендьеву*). Какой-то господин вас спрашивает.

Ступендьев (*стряхнув*). Какой господин?

Аполлон. Не знаю-с, в шляпе и с бакенами.

Ступендьев (*с волнением*). Проси. (*Аполлон таинственно взглядывает на Ступендьева и выходит.*) Неужели граф?

Явление пятое

Те же, и из передней входит лакей графа. Он одет по-дорожному, но щегольски и не снимает шляпы. Из-за дверей с любопытством выглядывают Васильевна и Аполлон.

Лакей (с немецким выговором). Здесь живет господин Ступендьев, чиновник?

Ступендьев. Здесь. Что вам угодно?

Лакей. Вы господин Ступендьев?

Ступендьев. Я. Что вам угодно?

Дарья Ивановна. Алексей Иванович!

Лакей. Граф Любин приехал и приказал вас просить к себе.

Ступендьев. А вы от него?

Дарья Ивановна. Алексей Иванович, подите сюда.

Ступендьев (подходит к ней). Что?

Дарья Ивановна. Скажите ему, чтоб он шляпу снял.

Ступендьев. Ты думаешь? Гм... Да, да... (Подходя к лакею.) Вы не находите, что здесь будто Жарко... (Показывая рукой на шляпу.)

Лакей. Здесь не жарко. Следовательно, вы сейчас придете?

Ступендьев. Я... (Дарья Ивановна делает ему знак.) Да позвольте узнать, кто вы собственно такой?

Лакей. Я вольнонаемный человек их сиятельства... камердинер.

Ступендьев (внезапно вспыхнув). Сними шляпу, сними шляпу, сними шляпу, говорят! (Лакей медленно и с достоинством снимает шляпу.) А их сиятельству скажи, что я сейчас...

Дарья Ивановна (вставая). Скажите графу, что мой муж теперь занят и не может выйти из дому. А что если граф желает его видеть, так пусть пожелует сам. Ступайте. (Лакей выходит.)

Явление шестое

Те же, без лакея.

Ступендьев (*к Дарье Ивановне*). Однако, Даша, мне, право, кажется, ты того... (*Дарья Ивановна молча прохаживается взад и вперед.*) Впрочем, я совершенно с тобою согласен. А каково я его отделал, а? просто оборвал, как говорится. Нахал эдакой! (*Мише.*) Ведь хорошо?

Миша. Хорошо-с, Алексей Иваныч, очень хорошо-с.

Ступендьев. То-то же!

Дарья Ивановна. Аполлон!

Явление седьмое

Те же и Аполлон; за ним Васильевна.

Дарья Ивановна (*поглядев некоторое время на Аполлона*). Нет, ты слишком смешон в этой ливрее. Ты уж лучше не показывайся.

Васильевна. Да чем же он смешон, матушка? Человек как и все, да еще мой племянник...

Ступендьев. Женщина, не рассуждай!

Дарья Ивановна (*Аполлону*). Повернись! (*Аполлон поворачивается*). Нет, тебе решительно нельзя показаться на глаза графу. Ступай и спрячься где-нибудь... А ты, Васильевна, посиди в передней, пожалуйста.

Васильевна. Да, матушка, у меня в кухне работа.

Ступендьев. А кто тебе велит работать, баловница?

Васильевна. Да помилуйте...

Ступендьев. Не рассуждай, женщина! Стыдись! Марш оба! (*Васильевна и Аполлон уходят.*)

Явление восьмое

Те же, без Васильевны и Аполлона.

Ступендьев (*Дарье Ивановне*). Итак, ты действительно думаешь, что граф теперь придет?

Дарья Ивановна. Думаю.

Ступендьев (*прохаживается*). Я в волнении. Он придет рассерженный... я в волнении.

Дарья Ивановна. Пожалуйста, будь как можно спокойнее и хладнокровнее.

Ступендьев. Слушаю... я в волнении. Миша, а ты в волнении?

Миша. Никак нет-с.

Ступендьев. Аяв волнении... (*Дарье Ивановне*.) Зачем ты непустила меня к нему?

Дарья Ивановна. Уж это мое дело. Вспомни, что ты ему нужен.

Ступендьев. Я ему нужен... Я в волнении... Что это?

Явление девятое

Те же и Аполлон.

Аполлон (*с необыкновенно встревоженным лицом*). Я не успел спрятаться. Барин пришел. Я не успел спрятаться.

Ступендьев (*шепотом*). Ну, ступай скорей сюда! (*Проталкивает его в кабинет.*)

Аполлон. Я не успел, а Васильевна ушла в кухню. (*Исчезает.*)

Явление десятое

Те же, без Аполлона.

Голос Любина (*за кулисами*). Что ж это значит? Никого нет, что ли? Зачем этот человек убежал?

Ступендьев (*с отчаянием к Дарье Ивановне*). Васильевна в кухню ушла!

Голос Любина. Человек!

Дарья Ивановна. Миша, подите отворите.

Явление одиннадцатое

Те же и граф Любин, которому Миша отворяет дверь. Он одет щегольски и несколько изысканно, как обыкновенно одеваются стареющие бель-омы.

Миша. Пожалуйте.

Граф Любин. Господин Ступендьев здесь?

Ступендьев *(кланяясь с смущением)*. Я... Ступендьев.

Граф Любин. Очень рад. Я граф Любин. Я присылал к вам моего человека; но вам не угодно было ко мне пожаловать.

Ступендьев. Извините, ваше сиятельство. Я...

Граф Любин *(оборачиваясь, холодно кланяется Дарье Ивановне, которая отошла несколько в сторону)*. Мое почтение. Признаюсь, я был удивлен. Верно, у вас занятия, занятия?

Ступендьев. Точно, ваше сиятельство, занятия.

Граф Любин. Может быть, не спору; но мне кажется, что для иных людей можно оставить свое занятие, особенно когда... вас просят... *(Из передней выходит Васильевна. Ступендьев делает ей знаки, чтоб она ушла.)* Когда... *(Любин с удивлением оглядывается; Васильевна смотрит на него во все глаза и убегает. Любин с улыбкою обращается к Ступендьеву.)*

Ступендьев. Это ничего, ваше сиятельство. Это так; женщина, пришла и ушла; к сожалению, пришла и, к счастью, ушла. А вот позвольте, я вам лучше представлю мою супругу.

Граф Любин *(почти не глядя на нее, холодно кланяется)*. А? Очень рад.

Ступендьев. Дарья Ивановна, ваше сиятельство, Дарья Ивановна.

Граф Любин *(так же холодно)*. Очень рад, очень рад; но я пришел...

Дарья Ивановна *(скромным голосом)*. Вы не узнали меня, граф?

Граф Любин *(вглядываясь)*. Ах, боже мой!.. Позвольте, точно... Дарья Ивановна! Вот неожиданная встреча! Сколько лет, сколько зим... Это вы? Скажите!

Дарья Ивановна. Да-с, граф, давно мы не видались... Видно, я много переменялась с тех пор.

Граф Любин. Помилуйте, вы только похорошели. Вот я небось другое дело!

Дарья Ивановна *(невинно)*. Вы нисколько не изменились, граф.

Граф Любин. О, полноте! Но мне теперь весьма приятно, что вашему супругу нельзя было пожаловать ко мне: это мне доставило случай возобновить знакомство с вами. Ведь мы старинные друзья.

Ступендьев. А ведь это, ваше сиятельство, она...

Дарья Ивановна *(поспешно перебивая его)*. Старинные друзья... Вы, граф, должно быть, во всё время не вспомнили о... об ваших старинных друзьях?

Граф Любин. Я?.. Напротив, напротив. Признаюсь, я хорошенько не помнил, за кого вы вышли замуж... Покойница матушка мне как-то писала незадолго перед своей кончиной... но...

Дарья Ивановна. Да и как же вам было в Петербурге, в большом свете, не забыть о нас? Вот мы, бедные, уездные жители – мы не забываем *(с легким вздохом)*, мы ничего не забываем.

Граф Любин. Нет, Я вас уверяю. *(Помолчав.)* Поверьте, я всегда принимал живейшее участие в вашей судьбе и очень рад видеть вас теперь... *(ищет слова)* в положении упроченном...

Ступендьев *(кланяясь с благодарностью)*. Совершенно, совершенно упроченном, ваше сиятельство. Одно – бедность, недостатки – вот что горе!

Граф Любин. Ну да, ну да. *(Помолчав.)* Однако *(обращаясь к Ступендьеву)* позвольте узнать ваше имя и отчество?

Ступендьев (*кланяясь*). Алексей Иваныч, ваше сиятельство, Алексей Иваныч.

Граф Любин. Любезнейший Алексей Иваныч, нам нужно с вами переговорить о деле... Я думаю, этот разговор вашу супругу занять не может... так не лучше ли нам, знаете... удалиться, остаться наедине на некоторое время а?.. Мы с вами потолкуем...

Ступендьев. Как вашему сиятельству будет угодно... Даша... (*Дарья Ивановна хочет уйти.*)

Граф Любин. О нет, помилуйте, не беспокойтесь, останьтесь... Мы с Алексей Иванычем можем выйти, мы в вашу комнату пойдем, Алексей Иваныч, хотите?

Ступендьев. В мою комнату... гм... в мой кабинет то есть...

Граф Любин. Да, да, в ваш кабинет...

Ступендьев. Как вашему сиятельству будет угодно... но...

Граф Любин (*к Дарье Ивановне*). А мы, Дарья Ивановна, еще с вами увидимся... я надеюсь. (*Дарья Ивановна приседает.*) До свидания. (*К Ступендьеву.*) Куда идти – сюда? (*Указывает шляпою на дверь в кабинет.*)

Ступендьев. Сюда-с... но... там, ваше сиятельство...

Граф Любин (*не слушая его*). Очень хорошо, очень хорошо... (*Идет в кабинет; за ним Ступендьев, который, уходя, делает какие-то знаки жене. Дарья Ивановна остается в раздумье и глядит за ними вслед. Через несколько мгновений из кабинета стрелой вылетает Аполлон и убегает в переднюю. Дарья Ивановна вздрагивает, улыбается и опять погружается в раздумье.*)

Явление двенадцатое

Дарья Ивановна и Миша.

Миша (*подходя к ней*). Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна (*встрепенувшись*). Что?

Миша. Позвольте узнать-с, давно вы не видались с их сиятельством?

Дарья Ивановна. Давно, двенадцать лет.

Миша. Двенадцать лет! Скажите! И в течение всего этого времени получали вы от них какие-нибудь известия-с?

Дарья Ивановна. Я? Никаких. Он столько же думал обо мне, сколько о китайском императоре.

Миша. Скажите! Как же это они говорили-с, что принимали-с живейшее участие в вашей судьбе-с?

Дарья Ивановна. А вас это удивляет? Как вы еще молоды – если это вас точно удивляет! (*Помолчав*). Как он постарел!

Миша. Постарел?

Дарья Ивановна. Румянится, белится... красит волосы, а морщин-то, морщин...

Миша. Неужели красит волосы? Ай, ай, ай, как стыдно! (*Помолчав*). А они, кажется, скоро намерены уйти-с.

Дарья Ивановна (*быстро оборачивается к нему*). Почему вы это думаете?

Миша (*скромно потупив глаза*). Да так-с.

Дарья Ивановна. Нет... он останется обедать.

Миша (*со вздохом*). Ах! уж как бы это было хорошо!

Дарья Ивановна. А что?

Миша (*с скромностью*). Провизии даром пропадут-с... и вино-с... если они не останутся, то есть...

Дарья Ивановна (*с расстановкой*). Да. Ну, послушайте, Миша, вот в чем дело. Они оба теперь скоро выйдут.

Миша (*внимательно глядя на нее*). Да-с.

Дарья Ивановна. Так вот, видите ли, оставьте меня теперь одну.

Миша. Да-с.

Дарья Ивановна. Я графа приглашу отобедать, а Алексея Иваныча...

Миша. Понимаю-с.

Дарья Ивановна (*слегка наморщив брови*).

Что вы понимаете? Алексея Иваныча я вышлю к вам...

Миша. Так-с.

Дарья Ивановна. А вы его задержите... так, не на долгое время. Вы ему скажите, что мне нужно переговорить с графом, для его же пользы... Вы понимаете?

Миша. Слушаю-с.

Дарья Ивановна. Ну да. Я на вас надеюсь. Вы можете с ним, если хотите, прогуляться немного.

Миша. Конечно-с; отчего ж не прогуляться?

Дарья Ивановна. Ну да, да. Теперь ступайте, оставьте меня.

Миша. Слушаю-с. (*Уходя, останавливается*). Уж вы и меня не забудьте, Дарья Ивановна. Ведь вы знаете, как я вам предан, можно сказать, и телом и душой...

Дарья Ивановна. Что вы хотите сказать?

Миша. Ах, Дарья Ивановна, ведь и мне страх как хочется в Петербург! Что я здесь буду делать без вас?.. Сделайте одолжение, Дарья Ивановна... А я вам заслужу.

Дарья Ивановна (*помолчав*). Я не понимаю вас, я еще сама не знаю... Впрочем, хорошо, ступайте.

Миша. Слушаю-с. (*Возводя глаза к небу*). А я вам заслужу, Дарья Ивановна! (*Уходит в переднюю.*)

Явление тринадцатое

Дарья Ивановна, одна.

Дарья Ивановна (*остаётся некоторое время неподвижною*). Он не обращает на меня ни малейшего внимания – это ясно. Он меня позабыл. И, кажется, я напрасно рассчитывала на его приезд. А сколько надежд у меня было сопряжено с этим приездом!.. (*Оглядывается*.) Неужели же я вечно должна остаться здесь, здесь?.. Что делать! (*Помолчав*.) Впрочем, еще ничего не решено. Он почти не видел меня... (*Взглянув в зеркало*.) Я по крайней мере не крашу своих волос... Посмотрим, посмотрим. (*Прохаживается по комнате, подходит к фортепиано и берет несколько аккордов*.) Они не скоро еще выйдут. Ожидание меня замучит. (*Садится на диван*.) Но, может быть, я сама заржавела в этом городишке... Почему я знаю? Кто мне скажет здесь, что из меня вышло, кто может в этом обществе мне дать почувствовать, что сделалось со мной? К несчастью, я выше их всех. Я выше их; но для него – я всё-таки провинциалка, жена уездного чиновника, бывшая воспитанница богатой барыни, которую потом кой-как пристроили... а он, он знатный человек, в чинах, богатый... ну, не совсем богатый: дела его расстроились в Петербурге, и он, я думаю, не на один месяц сюда приехал. Он хорош собой, то есть был хорош собой... теперь он белится и красит волосы. Говорят, что для людей в его положении воспоминания молодости особенно дороги... а он меня знал двенадцать лет тому назад, волочился за мною... Да, да, конечно, он волочился за мной от нечего делать; но всё-таки... (*Вздыхает*.) И я в то время, помнится, мечтала... О чем не мечтаешь в шестнадцать лет! (*Вдруг выпрямляясь*.) Ах, боже мой! да у меня, должно быть, хранится одно его письмо... Точно. Но где оно? Как досадно, что я прежде о нем не вспомнила!.. Впрочем, я успею... (*Помолчав*.) Посмотрим. Но как кстати пришли эти ноты и книги! Мне смешно... я, точно генерал перед сражением, przygotowляюсь встретить неприятеля... А как я переменялась в последнее время! Неужели это я так холодно, так спокойно обдумываю, что мне должно делать? Нужда всему научит и от многого отучит. Нет, я не спокойна, я в волнении теперь, но только от того, что я не знаю, удастся ли... Полно, так ли? Ведь уж я не ребенок, и воспоминания уже стали дороги и для меня... какие бы они ни были... ведь других у меня не будет, ведь уж полжизни, более полжизни прошло. (*Умолкает*.) Однако они всё нейдут! И чего я прошу? чего добиваюсь? Самой безделицы. Для него дать нам возможность переехать в Петербург, сыскать там место – безделица. А Алексей Иванович всякому месту будет рад... Неужели ж я и этого не добьюсь?.. В таком случае мне и след оставаться в уездном городе... я не заслуживаю лучшей участи... (*Прикладывая руку к щеке*.) А у меня от этой неизвестности, от всех этих размышлений – лихорадка; щеки так и горят. (*Помолчав*.) Что ж? Тем лучше. (*Услышав шум в кабинете*.) Они идут... сражение начинается... О робость, неуместная робость, оставь меня теперь! (*Берется за книгу и прислоняется к спинке дивана*.)

Явление четырнадцатое

Дарья Ивановна, Ступендьев и граф Любин.

Граф. Итак, я могу надеяться на вас, любезнейший Алексей Иванович?

Ступендьев. Ваше сиятельство, я, с своей стороны, готов во всем, что от меня зависит...

Граф. Очень, очень вам благодарен. А бумаги я вам сообщу в самое короткое время... Сегодня я вернусь к себе, и завтра или послезавтра...

Ступендьев. Слушаю-с, слушаю-с.

Граф (*подходя к Дарье Ивановне*). Дарья Ивановна, вы, пожалуйста, извините меня: я сегодня, к сожалению, не могу у вас остаться дольше, но я надеюсь, что в другой раз...

Дарья Ивановна. Разве вы не обедаете у нас, граф? (*Встает.*)

Граф. Я вам очень благодарен за приглашение, но...

Дарья Ивановна. А я так радовалась наперед... я надеялась, что вы проведете хоть немного времени с нами!.. Конечно, мы не смеем вас удерживать.

Граф. Вы слишком добры, но право... если б вы знали – у меня столько дела.

Дарья Ивановна. Вспомните, как давно мы не видались... и бог знает, когда нам придется опять увидаться с вами! Ведь вы у нас такой редкий гость...

Ступендьев. Именно, ваше сиятельство, так сказать, феникс.

Дарья Ивановна (*перебивая его*). Притом же вы теперь не успеете вернуться к обеду домой; а у нас... я могу вас уверить, вы отобедаете лучше, чем где-нибудь в городе.

Ступендьев. Мы ведь знали о прибытии вашего сиятельства.

Дарья Ивановна (*опять перебивая его*). Так вы обещаете, не правда ли?

Граф (*несколько принужденно*). Вы так мило меня просите, что мне невозможно вам отказать...

Дарья Ивановна. А! (*Берет у него шляпу из рук и ставит на фортепиано.*)

Граф. (*Дарье Ивановне*). Признаюсь, я сегодня поутру, выезжая из дому, никак не ожидал иметь удовольствие встретить вас... (*Помолчав.*) А ваш город, сколько я мог заметить, недурен.

Ступендьев. Для уездного города живет, ваше сиятельство.

Дарья Ивановна (*сядась*). Сядьте же, граф, прошу вас... (*Граф садится.*) Вы не можете себе представить, как я счастлива, как я рада видеть вас у себя. (*К мужу.*) Ах, кстати, Alexis, тебя Миша спрашивает.

Ступендьев. Что ему надобно?

Дарья Ивановна. Не знаю, но ты, кажется, ему очень нужен; поди, пожалуйста, к нему.

Ступендьев. Да как же я... их сиятельство, вот... мне теперь невозможно...

Граф. О, помилуйте, сделайте одолжение, не церемоньтесь. Я остаюсь в очень приятном обществе. (*Равнодушно проводит рукою по волосам.*)

Ступендьев. Да что ж его могло так приспичить?

Дарья Ивановна. Ты ему нужен; ступай, топ аті.

Ступендьев (*помолчав*). Слушаю... Но я сейчас вернусь... К вашему сиятельству... (*Кланяется; граф ему кланяется. Ступендьев уходит в переднюю и говорит про себя.*) И что ему такое вдруг зандобилось?

Явление пятнадцатое

Дарья Ивановна и граф. Небольшое молчание. Граф с легкой улыбкой посматривает сбоку на Дарью Ивановну и покачивает ногой.

Дарья Ивановна (*опуская глаза*). Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство?

Граф. Месяца на два; я уеду, как только дела мои несколько устроятся.

Дарья Ивановна. Вы в Спасском остановились?

Граф. Да, в матушкином имении.

Дарья Ивановна. В том же доме?

Граф. В том же. Признаюсь, в нем теперь жить невесело. Он так обветшал, так развалился... я на будущий год его намерен сломать.

Дарья Ивановна. Вы говорите, граф, в нем теперь невесело жить... Я не знаю, мои воспоминания об нем чрезвычайно приятны. Неужели вы точно хотите его сломать?

Граф. А разве вам его жаль?

Дарья Ивановна. Еще бы! Я в нем провела лучшее время моей жизни. Притом память о моей благодетельнице, вашей покойной матушке. Вы понимаете.

Граф. (*перебивая ее*). Ну да, да... я понимаю. (*Помолчав.*) А ведь точно в прежнее время там бывало весело...

Дарья Ивановна. А вы не забыли...

Граф. Чего?

Дарья Ивановна (*опять опустив глаза*). Прежнего времени!

Граф. (*понемногу оборачиваясь и начиная обращать некоторое внимание на Дарью Ивановну*). Я ничего не забыл, поверьте... Скажите, пожалуйста, Дарья Ивановна, сколько вам тогда было лет?... Постойте, постойте... Знаете ли, ведь вы от меня не можете скрыть свои годы?

Дарья Ивановна. Я их и не скрываю... Мне, граф, столько, сколько вам было тогда – двадцать восемь лет.

Граф. Неужели мне тогда было уже двадцать восемь лет? Мне кажется, вы ошибаетесь...

Дарья Ивановна. О нет, граф, не ошибаюсь... Я слишком хорошо помню всё, что касается до вас...

Граф. (*принужденно смеясь*). Какой же я старик после этого!

Дарья Ивановна. Вы старик? Полноте.

Граф. Ну, положим, положим, я с вами в этом спорить не стану. (*Помолчав.*) Да, да, хорошее было тогда время! Помните наши утренние прогулки в саду, по липовой аллее, перед завтраком? (*Дарья Ивановна опускает глаза.*) Нет, скажите, помните?

Дарья Ивановна. Я вам уже сказала граф, что нам, деревенским жителям, нельзя не помнить прошедшего, особенно когда оно... почти не повторилось. Вот вы – другое дело!

Граф. (*всё более одушевляясь*). Нет, послушайте, Дарья Ивановна, вы этого не думайте. Я вам это серьезно говорю. Конечно, в больших городах так много рассеянности, особенно для молодого человека; конечно, это разнообразная, шумная жизнь... Но могу вас уверить, Дарья Ивановна, первые, знаете ли, первые впечатления никогда не изглаживаются, а иногда, среди этого вихря, сердце... вы понимаете, сердце, наскучив пустотою... знаете ли, его так и тянет...

Дарья Ивановна. О да, граф, я с вами согласна: первые впечатления не проходят. Я это испытала.

Граф. А! (*Помолчав.*) А признайтесь, Дарья Ивановна, ведь вам, должно быть, здесь довольно скучно?

Дарья Ивановна (*с расстановкой*). Не скажу. Сначала мне точно было несколько трудно привыкать к этому новому образу жизни; но потом... мой муж такой добрый, прекрасный человек!

Граф. О да... я с вами согласен... Он очень, очень достойный человек, очень; но...

Дарья Ивановна. Потом я... я привыкла. Для счастья немного нужно. Домашний быт, семейство... (*понизив голос*) и несколько хороших воспоминаний...

Граф. А у вас есть такие воспоминанья?

Дарья Ивановна. Есть, как у всякого; с ними легче переносить скуку.

Граф. Стало быть, вы всё-таки скучаете иногда?

Дарья Ивановна. Вас это удивляет, граф? Вы вспомните, я имела счастье быть воспитанной в доме вашей матушки. Сравните же то, к чему я привыкла в молодости, с тем, что меня теперь окружает. Конечно, ни мое состояние, ни мое рождение, словом, ничто не давало мне права надеяться, что я так же буду продолжать жить, как начала; но вы сами сказали: первые впечатления не изглаживаются и что нельзя же насильно выкинуть из памяти то (*потупляя голову*), что благоразумие советовало бы забыть... Я буду откровенна с вами, граф. Неужели вы думаете, что я не чувствую, как вам всё здесь должно казаться бедно... и смешно? Этот лакей, который спасается от вас, как заяц; эта кухарка – и... и, может быть, я сама...

Граф. Вы, Дарья Ивановна? Вы шутите, помилуйте! Да я, я вас уверяю... я, напротив, удивляюсь...

Дарья Ивановна (*живо*). Я вам скажу, чему вы удивляетесь, граф. Вы удивляетесь тому, что я еще не совсем потеряла привычки моей молодости, что я еще не успела вполне превратиться в провинциалку... Это удивление для меня, вы думаете, лестно?..

Граф. Как вы дурно толкуете мои слова, Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна. Может быть; но оставим это, прошу вас. До иных ран, даже когда они и зажили, всё больно дотрогиваться. Притом же я совершенно примирилась с своей судьбой, живу одна в своем темном уголку; и если б ваш приезд не пробудил во мне многих воспоминаний, мне бы всё это и в голову не пришло. Я бы, по крайней мере, об этом никогда не заговорила. Мне и так совестно, что я, вместо того чтоб занять вас по мере возможности...

Граф. Да за кого же вы меня принимаете, позвольте вас спросить? Неужели же вы думаете, что я не дорожу вашей доверенностью, не умею ценить ее? Но вы клеветеете на себя. Не может быть, я не хочу верить, чтоб вы, с вашим умом, с вашим образованием, остались незамеченною здесь...

Дарья Ивановна. Совершенно, граф, уверяю вас. И я об этом нисколько не тужу. Послушайте: я горда. Это только у меня осталось от моего прошедшего. Я не желаю нравиться людям, которые мне самой не нравятся... Притом мы бедны, зависим от других; всё это мешает сближению – такому сближению, которое бы меня не оскорбляло. Такое сближение невозможно... Я и предпочла одиночество. Притом мне одиночество не страшно – я читаю, занимаюсь; к счастью, я нашла в муже честного человека.

Граф. Да, это тотчас видно.

Дарья Ивановна. Мой муж, конечно, не без странностей... Я вам говорю это так смело потому, что вы, с вашим пронизательным взглядом, не могли их не заметить – но он прекрасный человек. И я бы ни на что не жаловалась, я бы всем была довольна, если б...

Граф. Если б что?

Дарья Ивановна. Если б... иногда... иные непредвиденные... случайности не возмущали моего спокойствия.

Граф. Я не смею понимать вас, Дарья Ивановна... Какие случайности? Вы сперва говорили о воспоминаниях...

Дарья Ивановна (*прямо и невинно глядя в глаза графу*). Послушайте, граф; я с вами хитрить не стану. Я вообще хитрить не умею, а с вами это было бы просто смешно. Неужели вы

думаете, что для женщины ничего не значит увидеть человека, которого она знала в молодости, знала совершенно в другом мире, в других отношениях – и увидеть его, как я вижу теперь вас... (*Граф украдкой поправляет волосы.*) Говорить с ним, вспоминать о прошлом...

Граф. (*перебивая ее*). А вы разве тоже думаете, что ничего не значит для мужчины, которого судьба, так сказать, бросала во все концы мира, – что ничего ему не значит встретить женщину, подобную вам, сохранившую всю... всю эту прелесть молодости, этот... этот ум, эту любезность – *cette grâce*?¹

Дарья Ивановна (*с улыбкой*). А между тем эта женщина едва-едва уговорила этого мужчину остаться у ней обедать!

Граф. Ах, вы злопамятны! Но нет, скажите, как вы думаете – это для него ничего не значит?

Дарья Ивановна. Я этого не думаю. Вот, видите ли, как я с вами откровенна. Всегда приятно вспоминать про свою молодость, особенно когда в ней нет ничего такого, что могло бы служить упреком.

Граф. Ну, и скажите, что ответит эта женщина этому мужчине, если он, этот мужчина, уверит ее, что никогда, никогда не забывал ее, что свидание с ней, так сказать, сердечно его тронуло?

Дарья Ивановна. Что она ответит?

Граф. Да, да, что она ответит?

Дарья Ивановна. Она ему ответит, что сама тронута его ласковыми словами, и (*протягивая ему руку*) предложит ему руку на возобновление старинной искренней дружбы.

Граф. (*схватывая ее руку*). *Vous êtes charmante.*² (*Хочет поцеловать у ней руку, но Дарья Ивановна принимает ее.*) Вы милы, вы чрезвычайно милы!

Дарья Ивановна (*встает с веселым видом*). Ах, как я рада! как я рада! Я так боялась, что вы не захотите вспомнить обо мне, что вам будет неловко, неприятно у нас, что вы даже найдете нас навязчивыми.

Граф. (*сидя, следит за ней глазами*). Скажите, Дарья Ивановна...

Дарья Ивановна (*слегка к нему оборачиваясь*). Что?

Граф. Вы отсоветовали Алексею Иванычу прийти ко мне? (*Дарья Ивановна лукаво кивает головой.*) Вы? (*Вставая.*) Уверяю вас честью, что вы в этом раскаиваться не будете.

Дарья Ивановна. Еще бы! я вас увидела.

Граф. Нет, нет, я не в том смысле говорю.

Дарья Ивановна (*невинно*). Не в том? в каком же?

Граф. А в том, что вам грешно оставаться здесь. Я этого не потерплю. Я не потерплю, чтоб такая жемчужина пропадала в глуши... Я вам – я вашему мужу доставлю место в Петербурге.

Дарья Ивановна. Полноте!

Граф. Вы увидите.

Дарья Ивановна. Да полноте, говорят вам!

Граф. Вы, может быть, думаете, Дарья Ивановна, что у меня для этого нет довольно... э... э... (*он ищет слова*) *influence*³?

Дарья Ивановна. Oh, j'en suis parfaitement persuadée!⁴

Граф. *Tiens!*⁵ (*У него это восклицание вырвалось невольно.*)

¹ эту грацию? (*франц.*)

² Вы очаровательны. (*франц.*)

³ влияния (*франц.*).

⁴ О, в этом я совершенно убеждена! (*франц.*)

⁵ Вот как! (*франц.*)

Дарья Ивановна (*смеясь*). Вы, граф, кажется, сказали: tiens! Неужели вы воображали, что я забыла по-французски?

Граф. Нет, я этого не воображаю... mais quel accent!⁶

Дарья Ивановна. О, полноте!..

Граф. А место всё-таки я вам обещаю.

Дарья Ивановна. В самом деле? не шутя?

Граф. Не шутя, не шутя, вовсе не шутя.

Дарья Ивановна. Ну, тем лучше. Алексей Иваныч вам будет очень, очень благодарен. (*Помолчав.*) Только вы, пожалуйста, не подумайте...

Граф. Чего?

Дарья Ивановна. Нет, ничего. Эта мысль не могла прийти в вашу голову, и потому ей не следовало приходить в мою. Так мы, может быть, будем в Петербурге? Ах, какое счастье! Как Алексей Иваныч будет рад! Ведь мы часто будем видеться, не правда ли?

Граф. Я гляжу на вас, на ваши глаза, на ваши локоны – и мне, право, кажется, что вам шестнадцать лет и что мы по-прежнему гуляем с вами в саду, sous ces magnifiques tilleuls...⁷ Ваша улыбка нисколько не изменилась, ваш смех так же звонок, так же приятен, так же молод, как тогда.

Дарья Ивановна. А почему вы это знаете?

Граф. Как почему? Разве я не помню?

Дарья Ивановна. Я тогда не смеялась... Мне было не до смеху. Я была грустна, задумчива, молчалива – разве вы забыли?..

Граф. Всё же иногда...

Дарья Ивановна. Вам бы менее всякого другого следовало это позабыть, monsieur le comte⁸. Ах, как мы были молоды тогда... особенно я!.. Вы – вы уже приехали к нам блестящим офицером... Помните, как ваша матушка вам обрадовалась, как не могла наглядеться на вас... Помните, как вы даже вашей старой тетушке, княжне Лизе, вскружили голову... (*Помолчав.*) Нет, я не смеялась тогда.

Граф. Vous êtes adorable... plus adorable que jamais⁹.

Дарья Ивановна. En vérité?¹⁰ Что значит воспоминанье! Вы мне тогда этого не говорили.

Граф. Я? я, который...

Дарья Ивановна. Ну, полноте. А не то я могу подумать, что вы собираетесь мне делать комплименты; это не годится между старыми друзьями.

Граф. Я? вам комплименты?

Дарья Ивановна. Да, вы. Не думаете ли вы, что вы много переменились с тех пор, как я видела вас? Впрочем, давайте говорить о чем-нибудь другом. Скажите мне лучше, что вы делаете, как вы живете в Петербурге – все это меня так интересует... Ведь вы продолжаете заниматься музыкой, не правда ли?

Граф. Да, между делом, знаете.

Дарья Ивановна. Что, у вас такой же прекрасный голос?

Граф. Прекрасного голоса у меня никогда не было, но я еще пою.

Дарья Ивановна. Ах, я помню, у вас был чудесный голос, такой симпатичный... Ведь вы, кажется, тоже композировали?

⁶ но какое произношение! (*франц.*)

⁷ под этими чудесными липами... (*франц.*)

⁸ господин граф (*франц.*).

⁹ Вы очаровательны... очаровательнее, чем когда-либо. (*франц.*).

¹⁰ Правда? (*франц.*)

Граф. Я и теперь занимаюсь иногда композицией.

Дарья Ивановна. В каком роде?

Граф. В итальянском. Я другого не признаю. Pour moi – je fais peu; mais ce que je fais est bien.¹¹ Кстати, ведь и вы занимались музыкой. Вы очень хорошо на фортепианах играли. Я надеюсь, вы всего этого не бросили?

Дарья Ивановна (*указывая на фортепиано и на лежащие на нем ноты*). Вот мой ответ.

Граф. А! (*Подходит к фортепиано.*)

Дарья Ивановна. Но, к сожалению, фортепиано мои очень плохи; зато по крайней мере верны. Они дребезжат, но от них не делается тоски.

Граф. (*берет два-три аккорда*). Звук недурен. Ах, кстати – какая мысль! Ведь вы разбираете à livre ouvert?¹²

Дарья Ивановна. Если не слишком трудно, разбираю.

Граф. О! это нисколько не трудно. У меня здесь небольшая вещь, une bagatelle que j'ai composée¹³, романс из моей оперы для тенора. Я – вы, может быть, слышали, я пишу оперу – для забавы, знаете ли... без всякой претензии.

Дарья Ивановна. Неужели?

Граф. Так вот, если вы позволите, я пошлю за этим романсом или, лучше, нет, я сам схожу за ним. Мы его разберем с вами – хотите?

Дарья Ивановна. А он у вас здесь?

Граф. Здесь, на квартире.

Дарья Ивановна. Ах, ради бога, граф, принесите его поскорей. Боже мой, как я вам благодарна! Пожалуйста, ступайте за ним.

Граф. (*берет шляпу*). Сейчас, сейчас. Vous verrez, cela n'est pas mal.¹⁴ Я надеюсь, что эта безделка вам понравится.

Дарья Ивановна. Может ли быть иначе? Только я наперед прошу вашего снисхождения.

Граф. О, помилуйте! напротив, я... (*Уходя, в дверях.*) А! так вам не до смеху было тогда!

Дарья Ивановна. Вы, кажется, надо мной теперь смеетесь... А я бы могла вам показать одну вещь...

Граф. Что такое? что такое?

Дарья Ивановна. Которая у меня хранится... Я бы посмотрела, узнали ли бы вы ее.

Граф. Да о чем вы говорите?..

Дарья Ивановна. Я уж знаю, о чем. Ступайте теперь, принесите ваш романс, а потом мы увидим.

Граф. Vous êtes un ange.¹⁵ Я сейчас вернусь. Vous êtes un ange! (*Делает ей ручкой и исчезает в переднюю.*)

¹¹ Для себя – я делаю мало, но то, что я делаю, делаю хорошо. (*франц.*)

¹² с листа? (*франц.*)

¹³ безделица, которую я сочинил (*франц.*).

¹⁴ Вы увидите, это совсем неплохо. (*франц.*)

¹⁵ Вы – ангел. (*франц.*)

Явление шестнадцатое

Дарья Ивановна одна.

Дарья Ивановна (*глядит ему вслед и после небольшого молчания восклицает*). Победа! победа!.. Неужели? И так скоро, так неожиданно! А! *je suis un ange – je suis adorable!*¹⁶ Стало быть, я еще не совсем заржавела здесь. Я еще могу нравиться даже таким людям, как он (*улыбаясь*), как он... О, милый мой граф! я не могу вам скрыть, что вы довольно смешны и очень устарели. А он и не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати семи... как я, однако, спокойно солгала. Ступайте за вашим романсом. Вы можете быть наперед уверены, что я найду его прелестным. (*Останавливается перед зеркалом, глядится и проводит обеими руками по своей талии.*) Мое бедное, деревенское платьице, я скоро расстанусь с тобой, прощай! Недаром я сама хлопотала над тобой, недаром я для тебя выпросила картинку у нашей городничихи. Ты мне сослужило службу. Я тебя никогда не брошу; но в Петербурге уж я тебя надевать не стану. (*Охорашиваясь.*) Мне кажется, на этих плечах не стыдно лежать и бархату...

¹⁶ Я ангел – я очаровательна! (*франц.*)

Явление семнадцатое

Дарья Ивановна. Дверь из передней слегка растворяется, и выказывается голова Миши. Он глядит некоторое время на Дарью Ивановну и, не входя в комнату, говорит вполголоса: «Дарья Ивановна!..»

Дарья Ивановна (*быстро оглядывается*). А, это вы, Миша! Что вам? Мне теперь некогда...

Миша. Я знаю, знаю... я не войду-с; я только желал вас предупредить, что Алексей Иванович сейчас придут.

Дарья Ивановна. Зачем же вы с ним не пошли гулять?

Миша. Я гулял-с с ним, Дарья Ивановна; но они мне сказали-с, что желают идти на службу; я не мог их удержать-с.

Дарья Ивановна. Ну, он отправился на службу?

Миша. Они точно вошли в присутствие, но через короткое время изволили выйти-с.

Дарья Ивановна. А вы почему знаете, что он вышел?

Миша. А я из-за угла глядел-с. (*Прислушивается.*) Вот они, кажется, сюда идут-с. (*Скрывается и через минуту показывается опять.*) Ведь вы меня не забудете-с?

Дарья Ивановна. Нет, нет.

Миша. Слушаю-с. (*Исчезает.*)

Явление восемнадцатое

Дарья Ивановна; немного погодя Алексей Иванович.

Дарья Ивановна. Неужели Алексей Иванович вздумал ревновать? Вот кстати, нечего сказать! *(Она садится. Из двери перед ней выходит Алексей Иванович. Он в смущении. Дарья Ивановна оглядывается.)* А, это ты, Alexis?

Ступендьев. Я, я, душа моя, я. А разве граф ушел?

Дарья Ивановна. Я думала, что ты на службе.

Ступендьев. Я и то заходил в присутствие сказать, знаешь, чтоб меня не ждали. Да и как же бы я мог сегодня. У нас такой почетный гость... Да куда ж это он ушел?

Дарья Ивановна *(встает)*. Послушайте, Алексей Иванович, хотите вы получить хорошее место, с хорошим жалованьем, в Петербурге?

Ступендьев. Я? Еще бы!

Дарья Ивановна. Хотите?

Ступендьев. Конечно... Какой вопрос!

Дарья Ивановна. Так оставьте меня одну.

Ступендьев. То есть как одну?

Дарья Ивановна. Одну с графом. Он сейчас придет. Он пошел на свою квартиру за романсом.

Ступендьев. За романсом?

Дарья Ивановна. Да, за романсом. Он сочинил романс. Мы хотим его вместе разобрать.

Ступендьев. Отчего же я должен уйти?.. Я бы тоже хотел послушать...

Дарья Ивановна. Ах, Алексей Иванович! Вы знаете, все авторы ужасно робки, и третье лицо – для них просто беда.

Ступендьев. Для авторов? Гм... Да, третье лицо... Но я, право, не знаю, прилично ли это будет... Как же это я уйду из дому?.. Граф, наконец, может обидеться.

Дарья Ивановна. Нисколько, – уверяю тебя. Он знает, что ты человек занятой, служащий; притом же ты к обеду вернешься.

Ступендьев. К обеду? Да.

Дарья Ивановна. В три часа.

Ступендьев. В три часа. Гм! Да... Я совершенно с тобою согласен. К обеду. Да, в три часа. *(Вертится на месте.)*

Дарья Ивановна *(подождав)*. Ну, что же ты?

Ступендьев. Я не знаю... У меня что-то, словно эдак, голова болит. Вот эта, левая сторона.

Дарья Ивановна. Неужели? Левая сторона?

Ступендьев. Ей-богу. Вот, вот, вся эта сторона; я не знаю... мне, кажется, лучше дома остаться.

Дарья Ивановна. Послушай, мой друг, ты ревнуешь меня к графу, это ясно.

Ступендьев. Я? С чего ты это взяла? Это было бы слишком глупо...

Дарья Ивановна. Конечно, это было бы очень глупо, в этом нет никакого сомнения; но ты ревнуешь.

Ступендьев. Я?

Дарья Ивановна. Ты ревнуешь меня к человеку, который красит себе волосы.

Ступендьев. Граф себе красит волосы? Так что ж? Я ношу парик.

Дарья Ивановна. И то правда; а потому, так как мне твое спокойствие дороже всего, пожалуй, оставайся... Но уж не думай о Петербурге.

Ступендьев. Да отчего же? разве это место в Петербурге... разве оно зависит от моего отсутствия?

Дарья Ивановна. Именно.

Ступендьев. Гм! Странно. Я, конечно, согласен с тобой; но всё-таки это странно, согласишься и ты.

Дарья Ивановна. Может быть.

Ступендьев. Как это странно... как это странно! (*Расхаживает по комнате.*) Гм!

Дарья Ивановна. Но во всяком случае решайся скорее... Граф сейчас должен вернуться.

Ступендьев. Как это странно! (*Помолчав.*) Знаешь ли что, Даша, я останусь.

Дарья Ивановна. Как тебе угодно.

Ступендьев. Да разве граф тебе говорил что-нибудь об этом мосте?

Дарья Ивановна. Я ничего не могу прибавить к тому, что я тебе уже сказала. Оставайся или уходи; как хочешь.

Ступендьев. И хорошее место?

Дарья Ивановна. Хорошее.

Ступендьев. Я совершенно с тобою согласен. Я... я остаюсь... я решительно остаюсь, Даша. (*В передней раздается голос графа, который делает руладу.*) Вот он. (*После небольшого колебания.*) В три часа! Прощай! (*Бежит в кабинет.*)

Дарья Ивановна. Слава богу!

Явление девятнадцатое

Дарья Ивановна и граф, у него в руках сверток.

Дарья Ивановна. Наконец я вас дождалась, граф.

Граф. Me voilà, me voilà, ma toute belle.¹⁷ Я немножко замешкался.

Дарья Ивановна. Покажите, покажите... Вы не можете себе представить, в каком я нетерпении. (*Берет у него сверток из рук и с жадностью его рассматривает.*)

Граф. Вы, пожалуйста, не ожидайте чего-нибудь эдакого, слишком необыкновенного. Ведь я вам наперед сказал, что это безделка, сушая безделка.

Дарья Ивановна (*не сводя глаз с нот*) Напротив, напротив... Oh! mais c'est charmant!¹⁸ Ах, как этот переход мил! (*Указывая пальцем на одно место.*) Ах, я влюблена в этот переход!..

Граф. (*с скромной усмешкой*). Да, он не совсем обыкновенный.

Дарья Ивановна. И эта rentrée¹⁹!

Граф. А! она вам нравится?

Дарья Ивановна. Очень, очень мило! Ну, пойдемте, пойдемте; что время терять! (*Идет к фортепиано, садится, поднимает пюпитр и кладет ноты... Граф становится за ее стулом.*) Это andante?²⁰

Граф. Andante, andante amoroso, quasi cantando.²¹ (*Откашливается.*) Гм, гм! Я сегодня не в голосе... Но вы извините... Une voix de compositeur, vous savez.²²

Дарья Ивановна. Известная отговорка. Что ж мне, бедной, сказать после этого? Я начинаю. (*Она играет ритурнель.*) Вот это трудно.

Граф. Не для вас.

Дарья Ивановна. А слова очень милы.

Граф. Да... я их «нашел, кажется, dans Métastase...^{23[1]} я не знаю, четко ли они написаны. (*Указывая пальцем.*) Это он ей поет.

La dolce tua immagine,
O vergine amata,
Dell'alma innamorata...²⁴

Да вот, позвольте, слушайте. (*Поет романс в итальянском вкусе; Дарья Ивановна аккомпанирует ему.*)

Дарья Ивановна. Прекрасно, прекрасно... Oh, que c'est joli!²⁵

Граф. Вы находите?

Дарья Ивановна. Удивительно, удивительно!

Граф. Я еще не так это спел, как бы следовало. Но как вы мне аккомпанировали, боже мой! Я вас уверяю, никто, никто мне так не аккомпанировал... никто!

¹⁷ Вот и я, вот и я, моя прекрасная. (*франц.*)

¹⁸ О, это чудесно! (*франц.*)

¹⁹ повторение (*франц.*).

²⁰ умеренно? (*Итал.*)

²¹ Умеренно, умеренно страстно, почти певуче. (*Итал.*)

²² Голос композитора, вы знаете. (*франц.*)

²³ у Метастазіо (*франц.*).

²⁴ Нежный твой образ, // О возлюбленная дева, // Влюбленной души... (*Итал.*)

²⁵ О, как это красиво! (*франц.*)

Дарья Ивановна. Вы мне льстите.

Граф. Я? это не в моем характере, Дарья Ивановна. Верьте мне, *c'est moi qui vous le dis*²⁶. Вы великая музыкантша.

Дарья Ивановна (*словно всё еще погруженная в созерцание нот*). Как этот пассаж мне нравится! Как это ново!

Граф. Не правда ли?

Дарья Ивановна. И неужели вся опера так же хороша?

Граф. Вы знаете, в этом деле автор не судья; но мне кажется, что по крайней мере остальное не хуже, если не лучше.

Дарья Ивановна. Боже мой! Неужели вы мне не сыграете что-нибудь из этой оперы?

Граф. Я был бы слишком рад и счастлив исполнить вашу просьбу, Дарья Ивановна, но, к сожалению, я не играю на фортепиано и ничего не взял с собой.

Дарья Ивановна. Как жаль! (*Вставая.*) До другого раза. Ведь я надеюсь, граф, что вы побываете к нам перед вашим отъездом.

Граф. Я? я, если вы позволите, готов к вам ездить каждый день. Что ж касается до моего обещания, то уж на этот счет вы можете быть совершенно покойны.

Дарья Ивановна (*невинно*). Какого обещания?

Граф. Я вашему мужу доставлю место в Петербурге, ручаюсь вам честным словом. Вам нельзя здесь оставаться. Помилуйте, это было бы просто срам! *Vous n'êtes pas faite*²⁷, чтобы эдак *rouir végétér ici*²⁸. Вы должны быть одним из блестящих украшений нашего общества, и я хочу... я буду гордиться тем, что я первый... Но вы, кажется, задумались... о чем, смею спросить?

Дарья Ивановна (*напевая, будто про себя*). *La dolce tua immagine...*

Граф. А! я знал, я знал, что эта фраза останется у вас в памяти... Вообще всё, что я делаю, *est très chantant*²⁹.

Дарья Ивановна. Эта фраза чрезвычайно мила. Но извините, граф... я и не слыхала, что вы мне говорили... по милости вашей музыки.

Граф. Я вам говорил, Дарья Ивановна, что вам непременно нужно переехать в Петербург – во-первых, для вас и для вашего мужа, а во-вторых, и для меня. Я осмеливаюсь упомянуть о себе, потому что... потому что наша старинная, можно сказать, связь дает мне некоторое право на это. Я никогда не забывал вас, Дарья Ивановна, а теперь более чем когда-нибудь могу вас уверить, что я искренно вам предан... что эта встреча с вами...

Дарья Ивановна (*печально*). Граф, к чему вы это говорите?

Граф. Почему ж мне не говорить того, что я чувствую?

Дарья Ивановна. Потому что вам не следовало бы возбуждать во мне...

Граф. Что возбуждать... что возбуждать? говорите...

²⁶ это я вам говорю (*франц.*).

²⁷ Вы не созданы (*франц.*).

²⁸ для прозябания здесь (*франц.*).

²⁹ это очень певуче (*франц.*).

Явление двадцатое

Те же и Ступендьев показывается в дверях кабинета.

Дарья Ивановна. Напрасные ожидания.

Граф. Почему ж напрасные? И какие ожидания?

Дарья Ивановна. Почему? Я решилась быть откровенной с вами, Валерьян Николаич.

Граф. Вы помните мое имя!

Дарья Ивановна. Вот, видите ли, здесь... вы обратили на меня... некоторое внимание, а в Петербурге я, может быть, покажусь вам такою незначительною, что вы, пожалуй, будете сожалеть о том, что теперь намерены сделать для нас.

Граф. О, что вы говорите, помилуйте! Вы себе не знаете цены. Но разве вы не понимаете... *mais vous êtes une femme charmante...*³⁰ Сожалеть о том, что сделаю для вас, Дарья Ивановна!..

Дарья Ивановна (*увидав Ступендьева*). Для моего мужа, вы хотите сказать.

Граф. Ну да, да, для вашего мужа. Сожалеть... Нет, вы еще не знаете настоящих моих чувств... я тоже хочу быть откровенным с вами... в свою очередь.

Дарья Ивановна (*в смущенье*). Граф...

Граф. Вы не знаете моих настоящих чувств, говорю вам: вы их не знаете.

Ступендьев (*быстро входит в комнату, приближается к графу, который стоит к нему спиной, и кланяется*). Ваше сиятельство, ваше сиятельство...

Граф. Вы не знаете чувств моих, Дарья Ивановна.

Ступендьев (*кричит*). Ваше сиятельство... ваше сиятельство...

Граф. (*быстро оборачивается, глядит на него некоторое время и спокойно говорит*). А, это вы, Алексей Иваныч. Откуда вы явились?

Ступендьев. Из кабинета... из кабинета, ваше сиятельство. Я был тут, в кабинете, ваше сиятельство...

Граф. Я думал, что вы на службе. А мы здесь с вашей супругой занимались музыкой. Господин Ступендьев, вы счастливейший человек! Я вам это говорю так просто, без обиняков, потому что я вашу жену знаю с детства.

Ступендьев. Вы слишком добры, ваше сиятельство.

Граф. Да, да... Вы счастливый человек!

Дарья Ивановна. Друг мой, ты можешь благодарить графа.

Граф. (*быстро перерывая*). Permettez... Je le lui dirai moi-même... plus tard... quand nous serons plus d'accord³¹. (*Громко к Ступендьеву.*) Вы счастливый человек! Любите вы музыку?

Ступендьев. Как же, ваше сиятельство. Я...

Граф. (*обращаясь к Дарье Ивановне*). Кстати... вы мне хотели что-то показать, вы забыли?

Дарья Ивановна. Я?

Граф. Да... вы... Vous avez déjà oublié?³²

Дарья Ивановна (*быстро, вполголоса*) Il est jaloux et il comprend le français³³. Ах да, точно... Я теперь вспомнила; я хотела вам... я хотела вам показать наш сад; до обеда еще есть время.

³⁰ вы очаровательная женщина... (*франц.*)

³¹ Разрешите... Я ему скажу сам... позже... когда мы придем к большому согласию (*франц.*).

³² Вы уже забыли? (*франц.*)

³³ Он ревнив, и он понимает по-французски (*франц.*).

Граф. А! (*Помолчав.*) А! у вас есть сад?

Дарья Ивановна. Небольшой, но в нем довольно цветов.

Граф. Да, да, я помню; вы всегда были до них большая охотница. Покажите, покажите мне ваш сад, сделайте одолжение. (*Идет к фортепианам за шляпой.*)

Ступендьев (*вполголоса, подходя к Дарье Ивановне*). Что ж это... что ж это... что ж это значит – а?

Дарья Ивановна (*вполголоса*). В три часа, или без места. (*Отходит от него и берет со столика зонтик.*)

Граф. (*возвращаясь*). Дайте мне вашу руку. (*Вполголоса.*) Я вас понимаю.

Дарья Ивановна (*глядя на него с едва заметной усмешкой*). Вы думаете?

Ступендьев (*словно просыпаясь*). Да, позвольте, позвольте... И я с вами пойду.

Дарья Ивановна (*останавливается и оглядывается*). И ты хочешь идти, mon ami?³⁴
Ступай, ступай с нами, ступай. (*Они с графом направляются к двери сада.*)

Ступендьев. Да... я... пойду. (*Схватывает шляпу и делает несколько шагов.*)

Дарья Ивановна. Ступай, ступай... (*Она уходит с графом.*)

³⁴ друг мой? (*франц.*)

Явление двадцать первое

Ступендьев один.

Ступендьев *(делает еще несколько шагов, комкает шляпу и бросает ее на пол).* Да, чёрт возьми, я остаюсь! остаюсь! не пойду! *(Ходит по комнате.)* Я человек решительный, я не люблю полумер. Я хочу видеть, докуда... я хочу всё это вынести до конца. Я хочу убедиться собственными глазами. Вот что я хочу... Ведь это, наконец, неслыханное дело! Ну, положим, она знала его в детстве; ну, положим, она образованная женщина, очень, слишком образованная женщина – да какая же нужда меня-то дурачить? Оттого, что я не получил воспитания? Во-первых, это не моя вина. Говорит там о месте в Петербурге – ну, что за вздор? ну, можно ли этому поверить? Как бы не так! Граф этот сейчас даст мне место! Да и, наконец, сам-то он разве такая важная птица – дела его совершенно плохи... Ну, положим, он там как-нибудь мне точно доставит место; да зачем всё эдак с ним, тёт-ан-тёт, целый день?.. Ведь это неприлично! Ну, обещал – и конец. В три часа... Еще говорит, в три часа *(глядит на часы)*, а теперь всего четверть третьего! *(Останавливается.)* А пойду-ка я в сад! *(Взглядывает.)* Вишь, не видать их. *(Поднимает шляпу и расправляет ее.)* Пойду, ей-богу пойду. Сама же, сама мне *(передразнивая жену)*: ступай, мон-ами, ступай! *(Помолчав.)* Да, как бы не так, пойдешь! Нет, брат, знаю я тебя... куда тебе пойти! Пойдешь, как же, сейчас! Э! *(С досадой опять швыряет шляпу на пол.)*

Явление двадцать второе

Ступендьев и Миша выходят из передней.

Миша (*подходя к Ступендьеву*). Что с вами, Алвксей Иваныч? вы как будто не совсем в своей тарелке-с? (*Поднимает шляпу, расправляет ее и ставит на стол.*) Что с вами-с?

Ступендьев. Отстань, брат, пожалуйста. Не надоедай хоть ты по крайней мере.

Миша. Помилуйте, Алексей Иваныч, не извольте так выражаться; неужели я вас чем-нибудь обеспокоил-с?

Ступендьев (*помолчав*). Не ты меня беспокоишь, а (*показывает рукой в направлении к саду*) вон кто!

Миша (*глянув в дверь, невинным голосом*). Кто же такое, смею спросить?

Ступендьев. Кто?.. он...

Миша. Кто оне-с?

Ступендьев. Как будто ты не знаешь! Этот приезжий граф.

Миша. Каким же манером мог он вас беспокоить-с?

Ступендьев. Каким манером!.. Он вот с утра от Дарьи Ивановны не отходит, поет с ней, гуляет... Что ты думаешь... это... это приятно? Приятно это – а? для мужа то есть?

Миша. Для мужа ничего-с.

Ступендьев. Как ничего? Разве ты не слышишь: гуляет с ней, поет?

Миша. Только-то-с?.. Помилуйте, Алексей Иваныч, как вам не грешно эдак того-с... беспокоиться? Ведь это всё, так сказать, для вашего блага делается. Граф человек важный, с влияньем, знал Дарью Ивановну с детства – как же этим не воспользоваться, помилуйте-с? Да после этого вам бы просто стыдно было показаться на глаза всякому благомыслящему человеку. Я чувствую, что выражения мои сильны, слишком сильны, но мое усердие к вам...

Ступендьев. Убирайся ты с твоим усердием! (*Садится и отворачивается.*)

Миша. Алексей Иваныч... (*Помолчав.*) Алексей Иваныч!

Ступендьев (*не переменя положения*). Ну, что тебе?

Миша. Что вы изволите так сидеть? Пойдемте лучше гулять.

Ступендьев (*всё так же*). Не хочу я гулять.

Миша. Пойдемте-с... Ей-богу, пойдемте-с.

Ступендьев (*быстро оборачиваясь и скреживая руки*). Да что тебе надобно, наконец? а?.. Что ты от меня сегодня ни на шаг не отходишь с утра? Что тебя ко мне приставили, как няньку, что ли?

Миша (*опуская глаза*). Точно, приставили-с.

Ступендьев (*вставая*). Кто, смею спросить?

Миша. Для вашего же блага-с, Алексей Иваныч.

Ступендьев. Позвольте узнать, милостивый государь, кто вас ко мне приставил?

Миша (*с некоторым стenanьем*). Только выслушайте меня, Алексей Иваныч, ради бога. Два слова, Алексей Иваныч, два слова... я не могу вам эдак подробно объяснить. Кажется, вот дождичек идти собирается... они сейчас придут...

Ступендьев. Дождик собирается идти, а ты меня зовешь гулять!

Миша. Да мы можем эдак не по улице... Помилуйте, Алексей Иваныч, не тревожьтесь... Чего вы можете бояться? Ведь мы тут; ведь мы наблюдаем-с... ведь, кажется, это всё вещь такая известная-с... Вы вот в три часа вернетесь...

Ступендьев. Да из чего ты-то хлопочешь? Что она тебе такое говорила?..

Миша. Оне мне ничего эдак собственно не говорили-с... а так-с... Помилуйте, ведь вы оба мои благодетели. Вы мой благодетель, а Дарья Ивановна моя благодетельница; притом же оне мне и родственница. Как же мне не радеть... (*Берет его под руку.*)

Ступендьев. Я остаюсь, говорят! Мое место здесь! Я здесь хозяин... Здесь мое место! Я разрушу их замысел!

Миша. Конечно, вы хозяин-с; да ведь коли я вам говорю, что мне всё известно.

Ступендьев. Так что ж? Ты думаешь, она тебя не проведет? Небось ты, брат, еще молод и глуп. Ты еще женщин не знаешь...

Миша. Где мне их знать-с... Только вот-с...

Ступендьев. Я здесь графа застал и своими собственными ушами слышал, как он приставал: вы, мол, сударыня, не знаете моих чувствий; я, мол, их вам открою, мои чувства... А ты зовешь меня гулять...

Миша (*тоскливо*). Кажется, дождик капывает... Алексей Иваныч! Алексей Иваныч!

Ступендьев. Ведь вишь, пристал! (*Помолчав.*) А ведь в самом деле капывает!

Миша. Они сюда идут, они сюда идут... (*Опять берет его под руку.*)

Ступендьев (*упираясь*). Да нет же, говорят! (*Помолчав.*) Ну, а впрочем, чёрт возьми, пойдем!

Миша. Позвольте, я шляпу, шляпу...

Ступендьев. Где тут шляпу? брось! (*Оба убегают в переднюю.*)

Явление двадцать третье

Дарья Ивановна и граф входят из сада.

Граф. Charmant, charmant!³⁵

Дарья Ивановна. Вы находите?

Граф. Ваш сад чрезвычайно мил, как и всё здесь. *(Помолчав.)* Дарья Ивановна, я признаюсь... я всего этого не ожидал; я в очарованье, я в очарованье...

Дарья Ивановна. Чего вы не ожидали, граф?

Граф. Вы меня понимаете. Но когда вы мне покажете это письмо?

Дарья Ивановна. Зачем оно вам?..

Граф. Как зачем?.. Я бы желал знать, так же ли я чувствовал в то время, в то прекрасное время, когда мы были так молоды оба...

Дарья Ивановна. Граф, нам, я думаю, лучше не касаться до того времени.

Граф. Да почему же? Разве вы, Дарья Ивановна, разве вы не видите, какое вы произвели на меня впечатление?..

Дарья Ивановна *(с смущением)*. Граф...

Граф. Нет, выслушайте меня... Я вам правду скажу... Когда я пришел сюда, когда я вас увидел, я, признаюсь, подумал – извините меня, пожалуйста, – я подумал, что вы желали только возобновить знакомство со мной...

Дарья Ивановна *(поднимая глаза)*. И вы не ошиблись...

Граф. И потому я... я...

Дарья Ивановна *(с улыбкой)*. Далее, граф, далее.

Граф. Потом я вдруг убедился, что имею дело с женщиной чрезвычайно пленительной, а теперь откровенно должен вам сознаться – теперь вы мне совершенно вскружили голову.

Дарья Ивановна. Вы смеетесь надо мной, граф...

Граф. Я смеюсь над вами?

Дарья Ивановна. Да, вы! Сядемте, граф. Позвольте мне вам сказать два слова. *(Садится)*.

Граф. *(саясь)*. Вы мне всё не верите!..

Дарья Ивановна. А вы хотите, чтоб я вам верила? Полноте... как будто бы я не знаю, какого рода впечатление произвожу на вас. Сегодня я вам, бог знает почему, нравлюсь; завтра вы меня позабудете. *(Он хочет говорить, но она его останавливает.)* Поставьте себя в мое положение... Вы еще молоды, блестящи, живете в большом свете; у нас вы случайный гость...

Граф. Но...

Дарья Ивановна *(останавливая его)*. Мимоходом вы заметили меня. Вы знаете, что наши дороги в жизни так различны... что же вам стоит уверить меня в вашей... в вашей дружбе?.. Но я, граф, я, которой суждено провести весь свой век в уединении, – я должна дорожить своим покоем, я должна строго наблюдать за своим сердцем, если не хочу со временем...

Граф. *(перебивая ее)*. Сердцем, сердцем; vous pites³⁶ сердцем! Да разве у меня тоже нет сердца, наконец? И почему вы знаете, что оно... это сердце, не... не заговорило, наконец? Вы говорите: уединенье! Но почему же уединенье?

Дарья Ивановна. Я дурно выразилась, граф; я не одна – я не имею права говорить об уединении.

³⁵ Прелестно, прелестно! *(франц.)*

³⁶ вы говорите *(франц.)*.

Граф. Понимаю, понимаю – ваш муж... но разве... разве... Ведь это только между нами... одна эдак... de la sympathie³⁷. (*Небольшое молчание.*) Мне только, признаюсь, одно больно: мне больно, что вы не отдаёте мне справедливости, что вы видите во мне какого-то, я не знаю... какого-то фальшивого человека... что вы не верите мне, наконец...

Дарья Ивановна (*помолчав и посмотрев на него сбоку*). Так верить мне вам, граф?

Граф. Oh, vous êtes charmante!³⁸ (*Берет ее руку. Дарья Ивановна сперва как будто хочет принять ее, потом оставляет. Граф с жаром ее целует.*) Да, верьте мне, Дарья Ивановна, верьте... я вас не обманываю. Я сдержу все свои обещания. Вы будете жить в Петербурге... Вы... вы... увидите. И не в уединении... я за это вам ручаюсь. Вы говорите, я вас забуду? Как бы вы меня не забыли!

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич!

Граф. А, вы сами теперь видите, как неприятно, как оскорбительно сомнение! Ведь я бы мог тоже подумать, что вы притворяетесь, que se n'est pas pour mes beaux yeux...³⁹

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич!

Граф. (*более и более одушевляясь и вставая*). Впрочем, что мне за дело, какого бы вы ни были мнения обо мне!.. Я... я должен вам сказать, что я вам душевно предан, что я, наконец, влюблен в вас, страстно, страстно влюблен, и готов на коленях поклясться вам.

Дарья Ивановна. На коленях, граф? (*Встает*).

Граф. Да, на коленях, если б это не было принято – так, чем-то театральным.

Дарья Ивановна. Отчего же?.. Нет, это, признаюсь, это, должно быть, очень приятно – для женщины. (*Быстро оборачиваясь к Любину.*) Станьте на колена, граф, коли вы точно не смеетесь надо мной.

Граф. С удовольствием, Дарья Ивановна, если это только может вас заставить поверить, наконец... (*Не без труда становится на колена.*)

Дарья Ивановна (*дает ему стать на колена и быстро приближается к нему*). Помилуйте, граф, что вы! я шутила, встаньте.

Граф. (*пробует встать и не может*). Всё равно, оставьте. Je vous aime, Dorothee... Et vous?⁴⁰

Дарья Ивановна. Встаньте, прошу вас... (*Из передней показывается Ступендьев, напрасно удерживаемый Мишей.*) Встаньте... (*Она делает мужу знаки и сама с трудом удерживает смех.*) Встаньте... (*Граф с изумлением глядит на нее и замечает ее знаки.*) Да встаньте же, говорят...

Граф. (*не вставая*). Кому вы делаете знаки?

Дарья Ивановна. Граф, ради бога, встаньте!

Граф. Дайте мне руку.

³⁷ симпатия (*франц.*).

³⁸ О, вы очаровательны! (*франц.*)

³⁹ что это не ради моих прекрасных глаз (*франц.*).

⁴⁰ Я люблю вас, Доротея... А вы? (*франц.*)

Явление двадцать четвертое

Те же, Ступендьев и Миша. Ступендьев во время этого разговора подошел к самому графу. Миша остановился у порога. Дарья Ивановна глядит на графа, на мужа и с звонким хохотом бросается в кресла. Граф в смущении оглядывается и видит Ступендьева. Тот ему кланяется. Граф с досадой обращается к нему.

Граф. Помогите мне встать, милостивый государь!.. Я как-то... здесь стал на колена. Да помогите же мне! (*Дарья Ивановна перестает смеяться.*)

Ступендьев (*хочет поднять его под мышки*). Слушаю-с, ваше сиятельство... Извините меня, если я... того-с...

Граф. (*отталкивает его и вскакивает молодцом*). Очень хорошо-с, очень хорошо-с – я у вас ничего не спрашиваю. (*Подходя к Дарье Ивановне.*) Прекрасно, Дарья Ивановна, очень вам благодарен.

Дарья Ивановна (*принимая умоляющий вид*). Чем же я виновата, Валерьян Николаич?

Граф. Вы нисколько не виноваты, помилуйте! Нельзя не смеяться над тем, что смешно, – я вас в этом не упрекаю, поверьте; но, сколько я мог заметить, это всё было у вас наперед сговорено с вашим супругом.

Дарья Ивановна. Почему вы это думаете, граф?

Граф. Почему? Да потому, что в эдаких случаях, обыкновенно, не смеются и не делают знаков.

Ступендьев (*который вслушался*). Помилуйте, ваше сиятельство, между нами ничего не было сговорено, уверяю вас, ваше сиятельство. (*Миша дергает его за фалду.*)

Граф. (*с горьким смехом к Дарье Ивановне*). Ну, после этого вам трудно будет еще записаться... (*Помолчав.*) Впрочем, вам и не для чего записаться. Я совершенно заслуживал это.

Дарья Ивановна. Граф...

Граф. Не извиняйтесь, прошу вас. (*Помолчав, про себя.*) Какой позор! Одно только осталось средство выйти из этого глупого положения... (*Громко к Дарье Ивановне.*) Дарья Ивановна?..

Дарья Ивановна. Граф?

Граф. (*помолчав*). Вы, может быть, думаете, что я теперь не сдержу своего слова, сейчас уеду и не прошу вас вашей мистификации? Я бы, может быть, имел право это сделать, потому что всё-таки с порядочным человеком так шутить не следует; но я желаю, чтоб вы в свою очередь узнали, с кем имели дело. *Madame, je suis un galant homme*⁴¹. Притом я уважаю ум всегда, даже когда мне от него достается... Я остаюсь обедать – если господину Ступендьеву это не будет противно – и, повторяю вам, сдержу все свои обещания, теперь еще более, чем когда-нибудь...

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич, вы, я надеюсь, тоже не такого дурного мнения обо мне; вы не подумаете, не правда ли, что я не умею ценить... что я не до глубины сердца тронута вашим великодушьем... Я виновата перед вами; но вы меня узнаете, как я теперь узнала вас...

Граф. О, помилуйте! К чему все эти слова?.. Всё это не стоит благодарности... Но как вы хорошо играете комедию!..

Дарья Ивановна. Граф, вы знаете, комедию хорошо играешь тогда, когда чувствуешь, что говоришь...

⁴¹ Сударыня, я порядочный человек. (*франц.*)

Граф. А! вы опять... Нет, уж извините – два раза сряду я не попадусь. (*Обращаясь к Ступендьеву.*) Я должен быть очень смешон в ваших глазах теперь, милостивый государь; но постараюсь доказать на деле мое желанье быть вам полезным...

Ступендьев. Ваше сиятельство, поверьте, я... (*В сторону.*) Я ничего не понимаю.

Дарья Ивановна. Да это и не нужно... Благодарю только его сиятельство...

Ступендьев. Ваше сиятельство, поверьте.

Граф. Полноте, полноте...

Дарья Ивановна. А вас, Валерьян Николаич, я поблагодарю в Петербурге.

Граф. И покажете мне письмо?..

Дарья Ивановна. Покажу, и, может быть, с ответом.

Граф. Eh bien! il n'y a pas à dire, vous êtes charmante après tout...⁴² и я ни в чем не раскаиваюсь...

Дарья Ивановна. Я, может быть, не буду в состоянии это сказать... (*Граф рисуется; она улыбается.*)

Ступендьев (*в сторону, глядя на часы*). А ведь я пришел в три четверти третьего, а не в три.

Миша (*робко подходя к Дарье Ивановне*). Дарья Ивановна, что ж вы, меня-то?.. Вы меня-то, кажется, забыли... А уж я как старался!

Дарья Ивановна (*вполголоса*). Я вас не забыла... (*Громко.*) Граф, позвольте вам представить одного молодого человека... (*Миша кланяется.*)

Я принимаю в нем участие, и если...

Граф. Вы принимаете в нем участие?.. Этого довольно... Молодой человек, вы можете быть покойны: мы об вас не забудем.

Миша (*подобострастно*). Ваше сиятельство...

⁴² Ну что ж! ничего не скажешь, вы прелестны, несмотря ни на что... (*франц.*)

Явление двадцать пятое

Те же, Аполлон и Васильевна.

Аполлон (*выходя из передней*). Кушанье...

Васильевна (*выходя из-за Аполлона*). Кушанье готово.

Ступендьев. А! Ваше сиятельство, милости просим.

Граф. (*подавая руку Дарье Ивановне, к Ступендьеву*). Вы позволите?

Ступендьев. Сделайте одолжение... (*Граф с Дарьей Ивановной приближается к дверям.*) Однако я пришел не в три, а в три четверти третьего... всё равно; я ничего не понимаю, но моя жена – великая женщина!

Миша. Пойдемте, Алексей Иваныч.

Дарья Ивановна. Граф, я заранее прошу у вас извиненья за провинциальный наш обед.

Граф. Хорошо, хорошо... До свиданья в Петербурге, провинциалка!

(1850)

Примечания

Источники текста

Отеч Зап, 1851, № 1, отд. 1, с. 1–38.

Отеч Зап, 1851, № 2, в конце тома, без пагинации. – Список опечаток и поправок к тексту «Провинциалки», опубликованному в «Отечественных записках». – Перепечатано в статье Т. П. Головановой «История одного текста» (Изв. ОЛЯ АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4, с. 361–362).

Писарская копия с недошедшего до нас авторского оригинала пьесы, на 58 листах, в переплете, представленная в Дирекцию императорских театров 1 декабря 1850 г. Входящий номер – 904. На заглавном листе резолюция старшего театрального цензора: «Одобрается для представления. С.-Петербург, 4-го декабря 1850. Действ<ительный> ст<атский> советник Гедерштерн». В тексте содержится одна цензурная поправка красными чернилами: в начале 3-го явления, в первой реплике Ступеньдьева «подлые портные» исправлено на «нехорошие портные»; много режиссерских пометок и сокращений. Рукопись хранится в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Инв. № 5617, IX. 3. 36. Краткое описание ее см. в статье: *Пытин, Списки пьес Т*, с. 212–213.

Копия с этого текста, с отметками на обложке: «В Москву. Для бенефиса г. Щепкина. 1 ч. 15 мин.» и «С цензурованным верно. 1850. Декабря 18», хранится в Специальной библиотеке Государственного академического Малого театра в Москве. Инв. № 3374.

Писарская копия на 58 листах, в переплете. На заглавном листе пометы чернилами: «С.-Петербург, 1850 г.». Текст рукописи полностью совпадает с текстом копии, представленной в цензуру (см. выше), но содержит позднейшие поправки, сделанные на основании списка опечаток и поправок (*Отеч Зап*, 1851, № 2), а также режиссерские пометы и сокращения. Рукопись хранится в Специальной библиотеке Государственного академического Малого театра в Москве. Инв. № 3373.

Для легкого чтения, т. VI, СПб., 1857, с. 163–222.

Таблица исправлений и дополнений, сделанных рукою Тургенева в 1868 г. при просмотре текста *Отеч Зап* для издания «Сцен и комедий» 1869 г. Всего 54 поправки. Беловой автограф (ГИМ, фонд И. Е. Забелина, № 440, л. 170–171).

Т, Соч, 1869, ч. VII, с. 531–587.

Т, Соч, 1880, т. 10, с. 530–587.

Впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1851, № 1, отд. I, с. 1–38, с подписью: Ив. Тургенев.

В следующем номере *Отеч Зап*, в самом конце тома, без пагинации, напечатано было письмо Тургенева к А. А. Краевскому, как редактору журнала, с перечнем необходимых поправок в тексте комедии «Провинциалка», вызванных, во-первых, многочисленными опечатками, а во вторых, тем, что по вине переписчика ошибочно опубликована была не та редакция текста, которая предназначалась автором для печати (см. об этом ниже). Несмотря на публикацию этого письма, ни одна из указанных в нем поправок не была учтена ни в 1857 г. при перепечатке пьесы в шестом томе издания Н. А. Некрасова «Для легкого чтения», ни при выпуске в свет Ф. Стелловским ее отдельного издания в 1860 г. Исправления, на необходимость которых указал Тургенев в 1851 г., частично были им учтены при новом обращении его к журнальному тексту «Провинциалки» в процессе подготовки в 1868 г. первого собрания его «сцен и комедий» (см. с. 665). Текст «Провинциалки», установленный в *Т, Соч*, 1869, перепечатывался без существенных перемен во всех последующих изданиях сочинений Тургенева. Автограф «Провинциалки» не сохранился.

В настоящем издании комедия «Провинциалка» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т, Соч, 1880*, т. 10), с исправлением пяти буквенных и пунктуационных опечаток, указанных самим Тургеневым в первом томе этого издания, а также тридцати семи явных дефектов текста, не замеченных самим писателем при спешной вычитке издания 1880 г. (см. письма издателю Ф. И. Анскому и В. В. Думнову от октября-ноября 1879 г., а также письмо П. В. Анненкову от 13 (25) ноября 1879). Исправления по смыслу, подтверждаемые изданием 1869 г. и подготовительными материалами к нему (см. выше), произведены на страницах: 402 (восстановлено «и» в ремарке «Те же и Ступендьев»); 408 (ремарка «оглядываясь» исправлена на «вглядываясь»); 410 (слова «давно вы видались» исправлены на: «давно вы не видались»); 411 (ремарка «Помолчав» дается в скобках); 421 (слова: «Но, к сожалению, фортепиано мое очень плохо; зато по крайней мере верно. Оно дребезжит, но от него» исправлены на: «Но, к сожалению, фортепиано мои очень плохи; зато по крайней мере верны. Они дребезжат, но от них»); 423 (реплика: «И он не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати девяти» исправлена на: «А он и не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати семи»); 431 (в явлении двадцать первом восстановлена ремарка: «Ступендьев один» – *Отец Зан, 1851, № 1*); 432 («обещал – и наконец» исправлено на: «обещал и конец»); 438 («сколько мог заметить» исправлено на «сколько я мог заметить»). Выправлены искаженные собственные имена и иноязычные слова.

На основании письма Тургенева к А. А. Краевскому, опубликованного в *Отец Зан, 1851, № 2*, о неисправностях в журнальной публикации комедии «Провинциалка», частично сохранившихся и в последующих изданиях, в текст вводятся исправления на страницах: 403 – «бечевках» вместо «канате»; «Любин... Граф Любин» вместо «Граф Любин»; 412 – «Ожиданье меня замучит» вместо «Ожиданья меня замучат», «(Умолкает)» вместо «(Улыбается)»; 419 – «навязчивыми» вместо «невежливыми», «восклицание» вместо «выражение»; 420 – «Ведь мы часто будем видеться, не «правда ли?» из начала реплики Любина перенесено в конец предшествующей реплики Дарьи Ивановны, «так же молод, как тогда» вместо «aussi jeune qu'alors», «блестящим офицером» вместо «блестящим молодым офицером»; 421 – «Вы очень хорошо на фортепиано играли» вместо «Вы, помните, сами очень мило пели, очень хорошо на фортепиано играли»; 422 – «романс из моей оперы для тенора» вместо «дуэтино из моей оперы для тенора и сопрано» (по *Отец Зан, 1851, № 2* и списку исправлений 1868 г.); «без всякой претензии» вместо «sans aucune prétention»; «романсом» вместо «дуэтино» (по *Отец Зан, 1851, № 2* и списку исправлений 1868 г.); «ваш романс» вместо «ваше дуэтино» (по *Отец Зан, 1851, № 2* и списку исправлений 1868 г.); 423 – «романсом» вместо «дуэтино, как вы говорите»; 424 – «романсом», «романс» вместо «дуэтино» (4 раза); 429 – «решилась» вместо «постараюсь»; 432 – «слишком» вместо «очень»; 433 – «вон» вместо «вот»; 437 – «мужу знаки» вместо «знаки»; 439 – «уважаю ум всегда» вместо «уважаю всегда прекрасный пол».

Время работы Тургенева над «Провинциалкой» определяется прежде всего письмами, относящимися к октябрю-ноябрю 1850 г. Самое раннее из них, сохранившееся в черновике, относится к середине октября 1850 г. и написано в Петербурге: «Я имел не раз удов<ольствие> видеть Вас на театре, – писал Тургенев Н. В. Самойловой, – и был бы очень рад написать для Вас и Вашего брата одноактную комедию, которой план уже составлен мною и даже первые сцены написаны. Смею надеяться, что Вы бы не отказались от Вашей роли; но, будучи в неизв<естности> от<носительно> <?> дня Вашего бенефиса, не могу приняться за работу, сов<ершено> <?> не зная, успею ли ее окончить. И потому прошу Вас, если Вы согласны на мое предложение – уведомить меня, когда именно будет В<аш> бенеф<ис>, и позвольте мне увидаться с Вами и с В<ашим> б<ратом>, с которым познакомил меня г. Панаев <?>, для сообщения и обсуждения плана»^[2].

К этому времени относится сохранившийся в той же рукописи Тургенева черновой перечень действующих лиц задуманной комедии, с указанием имен будущих исполнителей

основных ролей: Стушевский (в окончательной редакции – Ступендьев) – Мартынов, Дарья Михайловна Стушевская (Ступендьева) – Самойлова, Владимир Николаевич Любавин (граф Любин) – Самойлов, Миша – Марков<ецкий?>.

Письмом от 30 октября 1850 г. Тургенев известил Полину Виардо о начатой им новой комедии, предназначенной «для талантливой актрисы Самойловой», а 8 ноября писал ей же, что пьеса эта должна быть закончена «через неделю» и что ему в связи с этим «придется усиленно работать». Тургенев был настолько увлечен своим новым замыслом, что отложил до окончания пьесы поездку в Москву (см. письмо его об этом от 3 ноября к Н. М. Щепкину). 11 ноября 1850 г., как свидетельствует дневник режиссера Александринского театра Н. И. Куликова, Тургенев прочел свою новую комедию «на вечере у Краевского» (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. III, с. 26).

Выехав 16 (28) ноября 1850 г. в Москву, Тургенев захватил с собою рукопись «Провинциалки», а две копии ее оставил в Петербурге – одну в редакции «Отечественных записок», а другую – в театральной цензуре.

4 декабря 1850 г. «Провинциалка» была допущена к постановке на сцене, а 5 декабря Тургенев писал П. Виардо о том, что свою новую пьесу он уже прочитал в Москве М... С. Щепкину, графине Е. В. Салиас и некоторым великосветским любителям драматического искусства, собравшимся у графини С. М. Соллогуб.

Читки пьесы проходили с неизменным успехом, а 1 (13) января 1851 г. состоялось первое представление «Провинциалки» на домашней сцене у С. М. Соллогуб. Сам Тургенев уклонился от присутствия на этой премьере, но через два дня охотно согласился посмотреть второе представление своей пьесы. «Моя комедия, – писал он 3 января П. Виардо, – имела, говорят, третьего дня очень большой успех; ее повторяют сегодня, и я получил настойчивое приглашение присутствовать. На этот раз я пойду: я не хочу иметь вид человека, который много *о себе воображает*». Своими впечатлениями от этого спектакля Тургенев поделился с нею же в письме от 5 января: «Да, в самом деле, я имел третьего дня очень большой успех. Актеры были отвратительны, особенно героиня (княгиня Черкасская), что, однако, не помешало ни публике аплодировать до чрезвычайности, ни мне пойти за кулисы благодарить их весьма горячо. Тем не менее я был доволен, что побывал на этом представлении. Мне кажется, пьеса моя будет иметь успех на театральной сцене, раз она понравилась несмотря на то, что ее изуродовали *дилетанты*. (Ее дают в Петербурге 20-го, здесь – 18-го.) Я получил много лестных комплиментов, приветствий и пр. и пр. А ведь это забавно – видеть свою вещь на сцене»^[3].

В первых числах января появилась в Москве и первая книжка «Отечественных записок», в которой была опубликована новая комедия Тургенева. Занятый предстоящей постановкой «Провинциалки» в Петербурге и в Москве, Тургенев очень бурно реагировал на многие ошибки, вкравшиеся в печатный текст его комедии.

«Бывши вынужден, по домашним обстоятельствам, неожиданно скоро уехать из Петербурга, – заявлял Тургенев в открытом письме на имя А. А. Краевского, опубликованном, по его настоянию, во второй книге „Отечественных записок“, – я не успел переписать „Провинциалку“ и поручил это дело писцу, который, несмотря на все свое старание, не мог не надевать множества ошибок, из которых самая неприятная та, что он заставляет графа *петь дуэт* с г-жею Ступендьевой. Эта варианта была точно выставлена мною на полях на случай, если б театральные условия потребовали дуэта; но я очень хорошо знал, что это неправдоподобно: можно предположить, что женщина, живя долго в глуши, не забыла играть на фортепьяно, но почти невозможно думать, чтоб она могла петь *à livre ouvert*. Переписчик мой сделал эту ошибку, болезнь помешала мне вернуться ко времени выхода первой книжки „Отечественных записок“ – и теперь мне остается попросить извиненья у вас и у читателей в моей нераспорядительности». Подчеркивая, что он как автор исполняет свой долг перед читателями, Тургенев приводил далее список, содержащий около 60 поправок к тексту «Провинциалки» – попра-

вок, которые по скромному определению писателя – «не совсем будут бесполезны для тех, которым бы вздумалось разыграть „Провинциалку“ на домашнем театре».

Приведенное письмо важно не только тем, что содержит данные о первоначальном тексте произведения, автограф которого до нас не дошел. Оно свидетельствует и о творческих принципах писателя. Нстойчивое желание Тургенева исправить текст «Провинциалки» объясняется не столько наличием опечаток, сколько – и прежде всего – тем, что в печать пошел не тот вариант комедии, который предназначался для опубликования. Как сообщается в письме, на полях рукописи «Провинциалки» автор набросал вариант текста, возникший в силу конкретных театральных условий – в данном случае с учетом вокальных данных артистки Н. В. Самойловой, для бенефиса которой Тургенев писал свою комедию. Обладая очень хорошим голосом, Н. В. Самойлова охотно вводила в свои роли музыкальные номера^[4], Тургенев рассчитывал на то, что «дуэтино» в девятнадцатом явлении «Провинциалки» будет исполнено Н. В. Самойловой и ее братом, для которого писалась роль графа Любина. В связи с этим в ту же сцену, в которой исполнялось «дуэтино», дополнительно введены были автором и несколько реплик, рассчитанных на особый эффект пения бенефициантки: «Брависсимо, брависсимо! Quelle musicienne! Quelle musicienne!» и «Что за голос! Какая манера!»

Однако на бенефисе 22 января 1851 г. в Петербурге роль «Провинциалки» поручена была не Н. В. Самойловой, а ее сестре Вере Васильевне, тоже очень талантливой актрисе, но не обладавшей вокальными данными. Поэтому дуэт был заменен в пьесе сольным пением графа Любина. В такой редакции «Провинциалка» исполнялась и в Петербурге и в Москве, но в первопечатном тексте комедии были произвольно объединены оба варианта девятнадцатой сцены с противоречащими одна другой ремарками: «Они поют сентиментальный дуэт в итальянском роде» и «Граф поет сентиментальный романс в итальянском вкусе с бесконечными украшениями». Наряду с этой – «самой неприятной» – по определению Тургенева, ошибкой, отразившей наличие двух редакций текста комедии, переписчик допустил целый ряд и других искажений рукописи. Некоторые слова были неправильно прочтены, некоторые реплики перепутаны местами. (О списке исправлений в *Отеч Зап*, 1851, № 2, см. подробнее: Изв. ОЛЯ АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4, с. 361–362).

Но и после публикации поправок, имеющих весьма серьезный смысловой и стилистический характер, полностью они не были учтены при последующих изданиях текста «Провинциалки».

В 1868 году, когда Тургенев готовил к печати первое собрание «Сцен и комедий», вошедших в седьмой том издания *Т, Соч*, 1869, текст «Провинциалки» был им заново просмотрен и исправлен. Но писатель жил в это время за границей, автографом комедии не располагал, как и списком своих первоначальных поправок, поэтому поправки сделаны им были заново, по памяти и по смыслу, следуя за текстом *Отеч Зап*, 1851, № 1. Исправления – общим числом 51 – составленные в виде таблицы (см. выше), распадаются по содержанию на три группы. Первая представляет собой творческие изменения текста: увеличена возрастная разница между графом Любиным и Дарьей Ивановной; изменилось поведение графа Любина в сцене любовного объяснения на коленях (устранены штрихи, подчеркивающие его дряхлость); углубились психологические мотивировки поведения «обманутого мужа» Ступендьева и «бедного родственника» Миши; изменились социальные характеристики (в списке действующих лиц Ступендьев – «чиновник» вместо «стряпчий»). Все эти мотивы отсутствуют в первопечатном тексте и в списке исправлений 1851 года. Они учтены в издании *Т, Соч*, 1869 и приняты в последующих изданиях текста комедии.

Вторая наиболее многочисленная группа – исправления стилистического характера (их 36). Некоторые из них введены в ответ на критические замечания современников («бакенами» вместо «бакенбардюльками», «Алексей Иванович» вместо «великий муж», устранена смешная фамилия в реплике Миши: «Пойдемте к Купеляктусам»); другие – повторяют правку списка

опечаток и поправок 1851 г. («жемчужина» вместо «женщина», «молоды» вместо «моложе», «А ведь я» вместо «Я, ведь я»; правописание иностранных слов). В ряде случаев эти поправки даются в несколько измененном виде (в списке 1851 г. «не рассуждай, слушай, женщина» исправляется на «не рассуждай, глупая женщина», в списке 1868 г. «слушай» выкидывается; в списке 1851 г. «О зачем» исправляется на «И зачем», в 1868 г. на «Зачем»; в списке 1851 г. «Я помню» исправляется на «Я помню...», в 1868 г. «Я помню» выкидывается из текста; в списке 1851 г. «княжне Лизине» исправляется на «княжне Лидиной», очевидно, по рукописи. В 1868 г. Тургенев, по-видимому, запомнил старый вариант и исправил на «княжне Лизе». В последующих изданиях, в том числе и в настоящем издании, при таких «двойных» поправках чаще всего закрепляется редакция текста по списку исправлений 1868 г., учтенному в *Т, Соч, 1869*.

Третья группа исправлений продолжает «очищение» текста от следов той редакции, которая не предназначалась автором для печати и возникла под влиянием случайных, внешних сценических обстоятельств. Речь идет об устранении сцены дуэта Дарьи Ивановны с графом Любиным в явлении девятнадцатом и тех искажений текста, которые явились результатом контаминации двух сюжетных вариантов. В списке исправлений 1868 г. Тургенев снова, как и в списке поправок 1851 г., заменяет слово «дуэт» словом «романс»; в сочетании «дуэтино из моей оперы для тенора и сопрано» выбрасывает слова «и сопрано», устраняет ремарку «Дарья Ивановна, продолжая глядеть на ноты»; после слов романса «*Dell' alma innamorata...*» устраняет текст: «А она ему отвечает:

O caro ben ogetto
Del più fervente amore
Col casto tuo ardore, и т. д.

Граф. Брависсимо, брависсимо! Quelle musicienne! Quelle musicienne! Как вы сейчас поняли мой стиль – это удивительно!

Дарья Ивановна. Dieux, que c'est joli!.. Позвольте я повторю (повторяет). А vous maintenant. (Они поют сентиментальный дуэт в итальянском роде. В промежутках граф шепчет: бесподобно, charmant! quelle voix! Граф поет сентиментальный романс в итальянском вкусе с бесконечными украшениями)».

В реплике графа после: «Я еще не так это спел, как бы следовало» изъяты слова: «Но как вы пели, боже мой! Как вы пели! Что за голос! какая манера!»; После итальянского романса и слов графа «Да вот позвольте, слушайте» введен текст: (*Поет романс в итальянском вкусе; Дарья Ивановна аккомпанирует ему*).

Дарья Ивановна. Прекрасно...»

По сравнению со списком исправлений 1851 г. автор расширяет правку в названном направлении, не оставляя сомнений в своих творческих намерениях. Но и на этот раз не все его исправления попадают в *Т, Соч, 1869* и последующие издания комедии. Купюра «и сопрано» по ошибке остается в тексте. Реплика «Вы, помните, сами очень мило пели», не замеченная автором при подготовке *Т, Соч, 1869*, также остается в тексте, создавая противоречие избранному сюжетному варианту. Из восьми случаев употребления слов «дуэтино» и «дуэт», исправленных в списке 1851 г. на «романс», только три попали в список исправлений 1868 г., а следовательно, в издание *Т, Соч, 1869* и позднейшие его перепечатки.

Критический анализ всех изменений, сделанных Тургеневым в тексте «Провинциалки» и имеющих творческий характер, показывает, что особое значение имели в этом отношении переработки произведения в 1851 и в 1868 годах^[5].

Сценическая жизнь «Провинциалки» также началась в 1851 г. – и с первых же начинаний с большим успехом.

«В бенефис Щепкина пойдет маленькая комедийка Тургенева „Провинциалка“, недурная штучка и грациозная. Вот вам московские литературные новости», – сообщал В. П. Боткин 8 января 1851 г. в письме к П. В. Анненкову (*Анненков и его друзья*, с. 565), а письма самого Тургенева к Полине Виардо, как дневник, отражали настроения автора перед спектаклем и его впечатления от неожиданного большого успеха.

Премьера «Провинциалки» в московском Малом театре состоялась 18 января 1851 г. Комедия шла в ряду других пьес в бенефис М. С. Щепкина, исполнявшего роль Ступендьева. С. В. Шумский играл графа Любина, а Н. В. Рыкалова – Дарью Ивановну (*Театр насл.*, с. 310).

«Завтра состоится представление комедии, которую я написал для петербургских актеров, но по просьбе Щепкина дал ему для его бенефиса, – писал Тургенев 17 (29) января 1851 г. Полине Виардо. – Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному, достойному человеку». На следующий день он писал ей же: «Итак, сегодня вечером; это начинает несколько волновать меня <...> Театр будет полон. Щепкин прислал мне билет на верхнюю ложу. Думаю, что я пойду, хотя чувствую себя скверно; лихорадит дьявольски». В эту же ночь, вернувшись с премьеры, Тургенев прибавил к своему письму еще несколько строк: «Вот уж точно, я ожидал чего угодно, но только не такого успеха! Вообразите себе, меня вызывали с такими неистовыми криками, что я наконец убежал, совершенно растерянный, словно тысячи чертей гнались за мной, и мой брат сейчас рассказал мне, что шум продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкин вышел и объявил, что меня нет в театре».

И далее: «Пьеса была довольно хорошо разыграна всеми, за исключением героини, которая была невыносима; зато актер, игравший главную роль, был очарователен. Это молодой актер, по фамилии Шумский; он сегодня сильно выиграл в мнении публики, и я в восторге, что дал ему к тому случай»^[6]. На следующий день Тургенев приписал к этому письму еще несколько строк: «Несколько моих друзей пришли сегодня поздравить меня; говорят, успех мой был действительно очень велик; зал был переполнен, и было замечено, что некоторые из моих врагов (литературных) аплодировали, не щадя сил^[7]. Тем лучше, тем лучше. Милый Щепкин пришел обнять меня и побранить за бегство <...> Всё-таки приятно иметь успех; было бы хорошо, если бы он меня пришпорил».

В Москве «Провинциалка» выдержала несколько представлений, о возрастающем успехе которых писала Тургеневу в конце февраля 1851 г. Е. В. Салиас: «Театр в 3-е и 4-е представление был полон, и Рыкалова играла лучше, чел в 1-й раз (как говорят все); всё же она портила роль». В этом же своем письме Е. В. Салиас сделала несколько замечаний о недостатках пьесы, предвосхищавших некоторые упреки более поздней рецензии Аполлона Григорьева. Так, настаивая на том, что автор сделал ошибку, назвав «Провинциалку» комедией, а не «сценической» и что «как сцена она мила, оригинальна, умна и грациозна», Е. В. Салиас писала Тургеневу, что смех Дарьи Ивановны в конце явления 23-го, когда Любин, упав перед нею на колени, не может сам подняться, неуместен и, во всяком случае, недостаточно мотивирован. Она же протестовала против реплики Миши в явлении 25: «Пойдемте, великий муж»: «Эта шутка не заставляет никого смеяться, а между тем уничтожает вовсе характер Миши, который <...> не может позволить себе такой шутки – это *lèse majesté* психологический и артистический, и сделанный даром, потому что, повторяю, эффекта нет»^[8].

Премьера «Провинциалки» в Петербурге состоялась 22 января 1851 г. в Александринском театре в бенефис Н. В. Самойловой. Пьеса шла вместе с драмой Ф. Ф. Корфа «Елка» и сценой из переводного водевиля «Бедовая девушка». Основные роли исполняли: В. В. Самойлова (Дарья Ивановна), В. В. Самойлов (граф Любин) и А. Е. Мартынов (Ступендьев)^[9].

Пьеса сразу же утвердилась в репертуаре, будучи повторена 24 и 31 января и 11 февраля 1851 г., а затем пройдя до конца сезона еще два раза (*Сев Пчела*, 1851, 15 марта).

«Видел я здесь „Провинциалку“, – писал Тургенев 16 (28) февраля 1851 г. Е. М. Феоктистову. – Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра

чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош – но не знает роли». Из письма Н. И. Куликова известно, что «Провинциалка» была разыграна петербургскими актерами с большим успехом и во время открытия 4 июля 1851 г. военного театра в Красном Селе (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. 4, с. 16).

В сезон 1851/52 г. «Провинциалка» прошла еще четыре раза, причем 13 апреля 1852 г. в роли графа Любина выступил во время своих петербургских гастролей С. В. Шумский^[10].

Первые отклики печати на новую комедию Тургенева были очень благоприятны. Даже Булгарин, не рискуя охаять пьесу, на премьере которой присутствовала вся царская фамилия, заявил на страницах «Северной пчелы», что хотя «Провинциалка» – «конечно, не комедия, но и того довольно, что пьесу можно назвать хорошою сценою из хорошей комедии. Эта сцена была бы еще лучше, если б была более сжата». Далее, подробно изложив фабулу пьесы, Булгарин заключал: «Вся занимательность в беседе графа с Дарьей Ивановной и в ревности мужа (г. Мартынова). В беседе язык приличный, тон благородный, с проблесками светской утонченности, и за это автор заслуживает полную похвалу. Пьеса была разыграна в совершенстве» (*Сев пчела*, 27 января 1851 г., фельетон «Журнальная всякая всячина», подпись: Ф. Б.).

Театральный рецензент «С.-Петербургских ведомостей», Василько Петров, откликнулся в своем фельетоне и на публикацию и на постановку новой пьесы: «Комедия г. Тургенева „Провинциалка“, напечатанная в январской книжке „Отечественных записок“, имеет один важный недостаток, а именно – она скорее комический эпизод, нежели комедия, но и в ней, как в прочих произведениях того же автора, виден замечательный драматический талант, много обещающий для нашей сцены. До сих пор мы видели две пьесы г-на Тургенева – „Холостяка“ и „Полюбовный дележ“, из которых первая не была оценена нашей публикой по достоинству, потому что в ней было мало наружного действия, а много внутреннего смысла, видимого только для тонкого наблюдателя и скрытого от большинства публики, приходящей в театр веселиться, а не наблюдать; вторая пьеса, имеющая, как и последняя, эпизодический характер, имела успех; третья, та, о которой говорим теперь, имеет успех если не больше предыдущего, то, по крайней мере, равный ему. Причина этого успеха заключается в том, что действие в этой пьесе, видимо, ясно выражается не только положением действующих лиц, но и самими словами, так что зритель-дилетант может наслаждаться ею, не утруждая своих умственных способностей. Автор был вызван, но его не было, к сожалению, в театре» (*СПб Вед*, 1851, 11 февраля, № 34).

«Эта небольшая, но тщательно отделанная пьеска сомотрится с таким же удовольствием, как и читается», – резюмировал свои впечатления от «Провинциалки» анонимный автор тонкого разбора ее в «Отечественных записках» (1851, № 3, с. 68–69).

Более осторожно оценивал «Провинциалку» А. В. Дружинин, отметивший в «Современнике», что последняя «комедия г. Тургенева не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана»^[11].

С резко отрицательной характеристикой методов работы Тургенева для театра (на материале «Провинциалки») выступил Аполлон Григорьев (*Москв*, 1851, № 5)^[12].

Краткое «изложение» комедии построено было в его критическом разборе так, чтобы показать отсутствие в «Провинциалке» не только «серьезного содержания», но и «действия», а заканчивалась рецензия утверждением, что в новой пьесе «нет и характеров». «Уже сама Дарья Ивановна решительно оставляет неудовлетворенным читателя; что же касается до Ступендьева, Миши и др., то это просто какие-то смутные образы, которых, как кажется, нарочно сделал несколько карикатурными автор для того, чтобы комедия его была смешнее. Вообще забота посмешить, какими бы то ни было средствами, составляла, кажется, одну из главных забот автора и, как нам кажется, много повредила художественности комедии. Такое поверхностное понимание комизма мы заметили уже прежде в г. Тургеневе. В его „Холостяке“ выведен, напр., г. Созоменос, лицо для течения комедии решительно ненужное и выступающее с единственною целью – позабавить своею сонливостью и странными выходками. В этой же

самой комедии в конце введен очень длинный и, по правде сказать, довольно забавный разговор между Шпундиком и теткой Маши, который опять-таки не только не нужен для хода пьесы, но даже положительно мешает ему, отвлекая внимание на посторонние делу интересы. В „Провинциалке“ замеченная нами склонность автора выступает уже в таких размерах, что остается решительно на первом плане, не допустив даже автора заняться более серьезным в комедии: действием и характерами. Но кроме того, что поверхностное понимание комизма и усердное служение ему помешали комедии быть комедией, они повели автора ко многим натяжкам, а иногда даже к странным и возмутительным для художественного чувства выходкам. К таким принадлежат, напр., бегство мальчишки из кабинета, куда входит граф, беспрепятственное повторение Ступендьевым слов: *женищина, не рассуждай*, пересоленная сцена с лакеем графа Любина; эпитет *феникса*, приданный Ступендьевым графу <...>, наконец ничем не объяснимая выходка Миши, который в ответ на слова Ступендьева, что его жена великая женщина, восклицает: *пойдемте, великий муж*.

Признаемся, мы не поняли характера Миши, но твердо уверены, что каков бы он ни был, после всего того, что было сказано им прежде, этих слов он сказать не мог. Мы сказали выше, что к лучшим местам комедии принадлежат сцены объяснения Дарьи Ивановны с графом. Да не подумают, однако, чтобы мы были ими совершенно довольны. Мы должны сказать, что и эти сцены, несмотря на свое достоинство, принадлежат к фальшивому роду. Они как будто написаны на тему: хитрость женщины или что-нибудь другое – одним словом, совершенно однородны с теми *пословицами в действии*, которые так легко пишутся французами. Пусть их и пишут эти салонные, эфемерные пьесы, в которых остроумие, хороший тон да пустой разговор играют главную роль; г. Тургеневу, так хорошо начавшему знакомить нас с русской жизнью, не следовало бы уклоняться от начатого им дела ради угождения испорченному вкусу некоторой части публики. Последнее обвинение, которое мы считаем себя обязанными взвести на автора *Провинциалки* для того, чтобы окончательно очистить свою совесть, состоит в том, что в пьесе его очень мало русского. Пожалуй, есть в ней кое-что, показывающее, что действие происходит в России, а не в каком-либо другом государстве. Но согласитесь, что большую часть ее можно очень легко перевести, напр., на французский язык, она нисколько не потеряет от этого. Не таковы пьесы Гоголя. Вообще мы очень недовольны новой пьесой г. Тургенева и, вероятно, не могли скрыть этого в поле нашего разбора. Пусть извинит он нас за это и вспомнит, что сердятся только на того, на кого возлагают надежды. А мы и после этой пьесы остаемся еще при том убеждении, что г. Тургенев способен задумать и исполнить настоящую комедию, и ждем от него, как искупления за маленькие грешки в прежних его комедиях и важную ошибку – печатание *Провинциалки*. Мы указывали до сих пор на недостатки новой комедии г. Тургенева. Неужели, спросит читатель, в *Провинциалке* нет никаких достоинств? Как не быть: талант автора виден и в этом произведении, но именно потому так и восстали мы на ложное направление этого таланта. Что касается до достоинств, то мы укажем на характер графа, на сцены довольно ловко и верно введенные, на точно подмеченные и часто удачно выраженные душевные движения, вообще на богатый запас психологических наблюдений, заметный в авторе, одним словом, на все те достоинства, без которых уже не может обойтись талант, что бы ни написал он. Но в том-то и дело, что, кроме таланта, нужно писателям близкое знакомство с современными эстетическими требованиями, если и не для того, чтобы совершенно подчиняться им, то по крайней мере для того, чтобы не идти наперекор им и не впасть в такую ошибку, как, напр., дать название комедии тому, что имеет водевильное содержание. Только истинные гении получают право бороться с научными эстетическими положениями, выбиваться из-под существующих форм; одним словом, давать, как говорит Кант, науке законы; таланты же, даже и самообытные, должны волею или неволею соотноситься с теми законами, которые многовековой деятельностью выработались для известных родов художественных произведений»^[13].

Тургенев не считал нужным отвечать ни на критику А. Григорьева, ни на отзывы солидаризовавшихся с ним других апологетов комедий Островского этой поры, противопоставлявшихся драматургии Тургенева. Но в письме к П. В. Анненкову от 14 марта 1853 г. из Спасского, где приехавший к нему М. С. Щепкин только что прочел (в рукописи) комедию «Не в свои сани не садись», автор «Месяца в деревне» и «Провинциалки» определил очень четко свое отношение не только к новой пьесе Островского, но и к литературно-творческим позициям всей «молодой редакции „Москвитянина“»: «Прочел ее <комедию „Не в свои сани не садись“> он отлично, и впечатление она произвела большое, но у меня всё из головы не выходило „Père de famille“ и другие драмы Дидеро – с сильной начинкой естественности и морали – я не думаю, чтобы *эта* дорога *вела* к истинному художеству».

Несмотря на то, что передовая литературная общественность очень сдержанно реагировала на «Провинциалку», а в кругах, близких славянофилам, комедия Тургенева была сурово осуждена как произведение, не отвечающее задачам, стоящим перед русской национальной драматургией, новая пьеса прочно утвердилась в репертуаре. Как свидетельствовал С. С. Дудышкин в обзоре «Русская литература в 1851 году», «умная пьеса Тургенева „Провинциалка“» имела «большой успех в представлении», несмотря на то, что в ней отсутствовали любимые «большинством публики» традиционные «театральные эффекты» (*Отчет Зап.*, 1852, № 1, отд. V, с. 12).

В Александрийском театре в Петербурге «Провинциалка» прошла с 1851 по 1855 г. четырнадцать раз, имея гораздо больший успех, чем все прочие пьесы Тургенева, допущенные к этому времени на сцену (*Вольф, Хроника*, ч. 1, с. 143). В сезон 1855/56 г. эта же комедия прошла в столице еще семь раз: 17 и 19 октября, 23 ноября и 8 декабря 1855 г., 6 января, 14 и 21 февраля 1856 г.

В сценической истории «Провинциалки» должен быть отмечен факт постановки этой комедии в 1860 г. в Петербурге силами писателей и профессиональных актеров в пользу организованного незадолго перед тем Литературного фонда^[14]. Как свидетельствуют воспоминания П. И. Вейнберга, предполагалось, что в этом спектакле выступит и сам Тургенев в роли графа Любина. Однако писатель от этого выступления уклонился^[15].

Перепечатка «Провинциалки» в 1857 г. в шестом томе издания Некрасова «Для легкого чтения» встречена была Тургеневым несочувственно. «Я вижу, что „Провинциалку“ напечатали в „Для легкого чтения“, – писал он Некрасову 22 ноября 1857 г. – Помнится, она появилась в „Отечественных записках“ с миллионом опечаток; надеюсь, что их выправили. Другие мои комедии (как-то „Месяц в деревне“ и т. д.) прошу тебя не печатать, ибо я хочу их издать отдельно, предварительно поправивши и переделавши». Общий пересмотр всех написанных им пьес, о котором упоминал Тургенев 22 ноября 1857 г., предусматривал некоторую доработку и «Провинциалки». Но эта доработка не связывалась с критическими разборами «Провинциалки», которые впервые появились в печати в 1851 г. и вновь ожили в 1859 г. в установочных положениях статьи А. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность», опубликованной в журнале «Русское слово». Резко отрицательно характеризуя всю драматургию Тургенева с тех же самых позиций, которые определились в его прежних суждениях о комедиях Островского, А. Григорьев рассматривал «Провинциалку» как произведение подражательное, лишенное национальных корней, как дань «жалкой моде», как проявление барской «апатии и праздности». Этой общей отрицательной оценки никак не смягчали и те оговорки, которые сделаны были в статье об образе Дарьи Ивановны, «очерченном хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста»^[16].

В Петербурге, на сцене Александринского театра, «Провинциалка» возобновлялась 1 сентября 1864 г., 29 апреля 1870 г. и 16 января 1875 г. Последний спектакль был приурочен к 40-летию пребывания на сцене В. В. Самойлова, неизменного в течение почти четверти века исполнителя роли графа Любина^[17].

16 марта 1879 г. состоялось чтение нескольких сцен из «Провинциалки» на вечере в пользу Литературного фонда в Петербурге. Читали сам автор и М. Г. Савина: «„Наш номер“ был во втором отделении, – вспоминала об этом вечере Савина. – Поставили стол с двумя свечами, положили две книги, придвинули два стула <...> Когда мы вышли, я, конечно, не кланялась на аплодисменты, а сама аплодировала автору. Долго раскланивался Иван Сергеевич, наконец, всё затихло – и мы начали: „Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство?“ (Этой фразой начинается сцена.) Не успела я это произнести, как аплодисменты грянули вновь, Иван Сергеевич улыбнулся. Овации оказались нескончаемыми <...> Наконец публика утихла, и он отвечал <...> Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами. Вызывали без конца»^[18].

Наиболее значительными вехами в сценической истории «Провинциалки» после смерти Тургенева являются ее постановки в Петербурге 8 сентября 1883 г., 12 февраля 1888 г. (в бенефис М. Г. Савиной, с В. П. Далматовым в роли графа и К. А. Варламовым в роли Ступендьева), 19 января 1900 г. (в бенефис М. Г. Савиной). Пьеса была вновь поставлена на Александринской сцене 23 марта 1911 г., 31 января 1918 (вместе с «Где тонко, там и рвется» и «Завтраком у предводителя»), а 10 ноября 1918 г. (в 21-й раз после возобновления) вместе с «Завтраком у предводителя» показана на торжественном спектакле по случаю 100-летия со дня рождения Тургенева^[19].

В сезон 1897/98 г. «Провинциалка» шла с большим успехом в театре Корша в Москве, а 3 марта 1912 г. была поставлена впервые на сцене Московского Художественного театра, с. М. П. Лилиной в роли Дарьи Ивановны и К. С. Станиславским в роли графа Любина^[20].

Комедия «Провинциалка» принадлежит к числу тех немногих драматических произведений Тургенева, которые, войдя в репертуар русских театров в самом начале пятидесятих годов XIX в., продолжают жить на столичной и провинциальной сцене до наших дней. Сводки материалов о постановке «Провинциалки» (далеко не полные) см. в книгах: Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924. с. 132–136, и Бердников Г. П. Тургенев и театр. М., 1953, с. 605–609.

Из зарубежных постановок «Провинциалки» наиболее известны спектакли на немецкой сцене. В октябре 1884 г. «Провинциалка» прошла с большим успехом в Берлине («Belle-Alliance Theater»), в переводе Е. Цабеля («Die Provinzialin»). См. его же критический разбор и высокую оценку этой пьесы в кн.: Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885, S. 176–178. Е. Цабель писал о судьбе «Провинциалки» на немецкой сцене и в начале XX века. См.: Р. Е. И. С. Тургенев и его пьесы в Германии. – Вестник театра, М., 1919, № 33, с. 14. См. также: Krause H. H. Die vorrevolutionären russischen Dramen auf der deutschen Bühne. Grundzüge ihrer deutschen Bühneninterpretation im Spiegel der Theaterkritik. Emsdetten. 1972, S. 39–43.

Комедия «Провинциалка», равно как и первая пьеса Тургенева в этом же жанре – «Где тонко, там и рвется», в специальной литературе рассматривалась в течение многих лет лишь как блестящий русский вариант тех комедий, особенности стиля и композиции которых были связаны с «драматическими пословицами» («Proverbes dramatiques») Альфреда Мюссе (см. наст. том, с. 578). В книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» общие суждения о специфике и традициях этого жанра были подкреплены конкретным сближением «лукавых диалогов графа Любина и Дарьи Ивановны» с «аналогичным словесным поединком проверба Мюссе „Il faut qu’une porte soit ouverte ou fermée“». И здесь граф оказывается побежденным своей соперницей и в результате остроумного и опасного объяснения бросается перед ней на колени. Пьеска эта с большим успехом шла и Париже в 1848 г., в момент, когда Тургенев особенно пристально следил за французскими постановками. Но, конечно, кроме общего тона насмешливой и увлекательной беседы графа с маркизой, виртуозно разработанной в провербе Мюссе, автор „Провинциалки“ ничем не вдохновился здесь»^[21].

Психологизм комедии «Провинциалка» получил творческий отклик в повести Достоевского «Вечный муж», впервые опубликованной в двух первых книжках журнала «Заря» в 1870 г. Здесь получило дальнейшее развитие изображение человека, уязвленного в своей гордости, жалкого, затаившего обиду обманутого мужа, а также особого типа женщины, умной и непостоянной. Отклик Достоевского мог быть вызван давними размышлениями писателя по поводу фабулы «Провинциалки», связанными с его сибирскими впечатлениями: отчасти своим романом с М. Д. Исаевой, но главным образом, обстоятельствами отношений А. Е. Врангеля с Е. И. Гернгросс. Сюжетная схема комедии Тургенева углублялась и переосмыслялась в повести «Вечный муж» в предыстории отношений ее героев – Вельчанинова (приезжий петербургский барин), Труссоцкого (пожилой провинциальный чиновник) и его молодой жены – уездной львицы. В повести сделана была Достоевским и прямая ссылка, на ее первоисточник – пьеса «Провинциалка», поставленная «на домашнем театре», является в «Вечном муже» объектом воспоминаний героев^[22].

Первая сводка основных документальных, эпистолярных и литературно-критических материалов, относящихся к истории написания «Провинциалки», ее публикации и постановки на сцене, была дана Ю. Г. Оксманом в комментариях к «Сценам и комедиям» в издании: *Т. Сочинения*, т. IV, М.; Л., 1930, с. 219–224.

Определяя на основании предшествующего изучения театра Тургенева место «Провинциалки» в ряду других его «сцен и комедий», автор первой советской истории русского театра, С. С. Данилов, пишет, что вместе с «Где тонко, там и рвется» и «Вечером в Сорренте» «Провинциалка» особенно выразительно характеризует новаторские тенденции Тургенева «порвать с внешней занимательностью ходульного водевильного репертуара, противопоставив ему комедийную пьесу, бессюжетную, интимно-психологическую, полную внутреннего движения, скрытого за недомолвками и полунамеками» (Данилов С. С. *Очерки по истории русского драматического театра*. М.; Л., 1948. с. 367).

О традициях гоголевской драматургии в «Провинциалке» и об особенностях новой трактовки темы «маленького человека» в этой комедии (образ Дарьи Ивановны) см. в очерке Г. П. Бердникова «И. С. Тургенев». М.; Л., 1951 (серия «Русские драматурги»), с. 111–119.

Условные сокращения

- Анненков и его друзья* – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.
- Боткин и Т* – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.
- Гоголь* — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.
- Гроссман, Театр Т* — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.
- Для легкого чтения* – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.
- Лит учеба* – «Литературная учеба» (журнал).
- Лит Музеум* – Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.
- Моск Вед* – «Московские ведомости» (газета).
- Москв* – «Москвитянин» (журнал).
- Отчет ИПБ* – Отчеты императорской Публичной библиотеки.
- Пыпин, Списки пьес Т* — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.
- Салтыков-Щедрин* — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.
- СПб Вед* – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
- Т сб (Пиксанов)* – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).
- Т, Соч, 1865* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.
- Т, Соч, 1869* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.
- Т, Соч, 1891* – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.
- Т, 1856* – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.
- Т и Савина* – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.
- Т и театр* — Тургенев и театр. М., 1953.
- Театр насл* — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.
- Толстой* – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.
- Труды ГБЛ* – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.
- Тучкова-Огарева* – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.
- Чернышевский* – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).
- Mazon* – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.
- Zabel* – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

...я их нашел, кажется, dans *Métastase*... – Метастазियो, Пьетро Антонио Доменико Бонавентура (1698–1782) – итальянский поэт и драматург-либреттист.

2.

Письмо это, дошедшее до нас только в черновике, сохранившемся на обороте листа, занятого вставкой к рассказу «Свидание», впервые было опубликовано М. К. Клеманом вместе с планом «Провинциалки» (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, вып. 11, с. 118–119).

3.

Письма от 3 и 5 января 1851 г. цитируются в переводе с французского по изданию: Т, ПСС и П, Письма, т. II, с. 389–391.

4.

Крылов В. А. Сестры Самойловы. – ИВ, 1898, № 1, с. 136–147.

5.

В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что во всех прижизненных изданиях сочинений писателя «Провинциалка» датировалась им не 1850 г., когда она была создана в своей первоначальной редакции, а 1851.

6.

О близких отношениях Тургенева в эту пору с С. В. Шумским (1820–1878), любимым учеником Щепкина, свидетельствует его письмо к Шумскому от 6 марта 1852 г., а также кн.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Ред. И примеч. Ю. Г. Оксмана, Л., 1929, с. 11. См. также главу этих воспоминаний, не вошедшую в их отдельное издание (Атеней, 1926, вып. 3, с. 86–87). В письме Феоктистова к Тургеневу от 21 февраля 1851 г. отмечалось, что в роли Ступендьева «Щепкин всё так же плох и портит роль», как и на премьере «Провинциалки» (Т, ПСС и П, Письма, т. II, с. 416).

7.

К «литературным врагам», о которых упоминал Тургенев, принадлежали члены «молодой редакции» «Москвитянина» с Аполлоном Григорьевым во главе, а также члены семьи С. Т. Аксакова. Последний, не зная о том, что Тургенев, несмотря на болезнь, всё же присутствовал в театре, писал 19 января 1851 г. сыну Ивану: «Вчера в бенефис Щепкина давали его небольшую комедию „Провинциалка“. Тург<енев> не мог быть в театре, да и не хотел: между ним и Щепкиным нет никакой симпатии» (Рус Мысль, 1915, № 8, с. 128). В конце февраля 1851 г. Е. В. Салиас писала Тургеневу: «Зачем вы, злодей, не назвали ее <„Провинциалку“> пословицей – ваши завистники (у кого их нет!) не могли бы ни к чему придаться. Островский и С-ие страшно глупы, и им я не верю нисколько – если они когда и умное скажут, так нечаянно» (ИРЛИ, № 5850).

8.

Замечание о реплике Миши: «Пойдемте, великий муж» – учтено было Тургеневым при правке пьесы в 1868 г.

9.

Афишу первого представления «Провинциалки» в Александринском театре см. в кн. Т и театр, вкладной лист. О В. В. Самойловой как первой исполнительнице роли Дарьи Ивановны, а также о В. А. Мичуриной-Самойловой в той же роли см. в кн.: Мичурина-Самойлова В. А. Шестьдесят лет в искусстве. – М.; Л., 1946, с. 21, 31, 87, 132–134, 164, 171, 172, 208.

10.

Поклонники В. В. Самойлова утверждали, что Шумский в роли графа Любина не оправдал ожиданий публики (отзыв Н. И. Куликова, опубликованный в «Библиотеке театра и искусства», 1913, кн. 5, с. 7), но рецензент «С.-Петербургских ведомостей» настаивал на том, что Шумский «в роли графа (в „Провинциалке“) был чрезвычайно приличен, спокоен в манерах и в обращении, как следует человеку хорошего общества, но не сделал из графа какого-то старого повесы, привыкшего к дурной кампании и продолжавшего ветренничать, несмотря на подагру; г. Самойлов недурно играл эту роль, но Шумский вернее понял ее» (СПб Вед, 1852, 16 мая, № 109). Об успехе Шумского в роли графа Любина см. также: Вольф, Хроника, ч. 1, с. 161.

11.

Совр, 1851, № 2, отд. VI, с. 226. В более позднем своем отклике на «Провинциалку» А. В. Дружинин был еще более резок. «Решительно наша легкая драматическая литература похожа на заколдованный край, к которому нельзя подступиться без беды и неудачи во всех отношениях, – писал он. – Талантливый автор „Записок охотника“ вздумал было поохотиться в этом крае и набрел на „провинциалку“, над которой теперь сам подсмеивается» (Б-ка Чт, 1852, № 2, отд. VII, с. 210–211. Перепечатано в «Собрании сочинений А. В. Дружинина», т. VI, СПб., 1865, с. 578).

12.

Полностью солидаризировались с установочными положениями статьи А. Григорьева и К. С. и И. С. Аксаковы. В письме И. С. Аксакова к Тургеневу от 26 ноября 1851 г. об этом свидетельствуют следующие строки: «Брат и я просим вас, любезнейший Иван Сергеевич, прислать непременно что-нибудь для нашего „Сборника“; какую статью – вам не нужно сказывать; разумеется, не в роде „Провинциалки“ (несмотря на всё достоинство ее мелких черт), а больше в духе „Записок охотника“» (Русское обозрение, 1894, № 8, с. 458).

13.

Москв, 1851, ч. II, № 5, с. 70–72. В этом же номере журнала в особом двухстраничном примечании, сделанном к разбору «Разговора на большой дороге» (см. в наст. томе с. 679), его редактор М. П. Погодин писал: «Скажу два слова и о г. Тургеневе. Первые его опыты в стихах и прозе были ниже всякой посредственности; восторженные похвалы рецензентов из своих видов ему только что вредили в глазах истинных друзей словесности, но в „Записках охотника“ обнаружилось в первый раз дарование, которое нельзя было не принять с удовольствием. Мы были рады и плодотворной его деятельности. До сих пор идет г. Тургенев, хотя и тихо. „Провинциалка“ его сносна при Шумском и Самойловой. Всего более мешает ему, кажется, язык, употребляемый как будто с голоса. Может быть, долговременное пребывание за границею тому причиной. Пожелаем, чтоб он жил больше в народе и слушал чаще его речь, – тогда, верно, мы будем иметь мастером больше».

14.

СПб Вед, 1860, 17 апреля, № 83. Играли в этом спектакле В. В. Мичурина-Самойлова (Дарья Ивановна), П. И. Вейнберг (граф Любин), И. И. Ознобишин (Ступендьев), Е. П. Ловягина (Васильевна), В. П. Свиныин (камердинер графа).

15.

Ежегодник императорских театров, сезон 1893/94 г., приложения, кн. 3, с. 108.

16.

Рус Сл, 1859, № 5, отд. «Критика», с. 23–25. Перепечатано в Сочинениях Аполлона Григорьева, СПб., 1876, с. 351–352.

17.

Вольф, Хроника, ч. III, 1884, с. 55. Это было последнее появление В. В. Самойлова на сцене и последняя его роль перед смертью.

18.

Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. – В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 2, с. 383–384. О выступлении Тургенева на вечере 16 марта см. также: Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903, с. 22.

19.

См.: Розенберг И. С. Тургеневский спектакль. – Бирюч петрогр. гос. театров, 1919, № 13–14, с. 171–173.

20.

О М. П. Лилиной в роли Дарьи Ивановны см. также в кн.: Ежегодник Московского художественного театра. 1943. М., 1945, с. 458. О К. С. Станиславском в роли Любина – в кн.: Кнебель М. О. Вся жизнь. М., 1967, с. 197–199. Из истории постановки «Провинциалки» в МХТ см.: Эфрос Н. Тургеневский спектакль. – Театральное обозрение, М., 1922, № 3, с. 5–6; Хессин Н. Тургеневский спектакль. – Экран, М., 1922, № 20, с. 6–7; Дикий А. Почему «Провинциалка»? – Театр, М., 1952, № 7, с. 119–128; Попов А. Воспоминания и размышления о театре. М., 1963, с. 69–73. О М. Н. Ермоловой в роли Дарьи Ивановны – в кн.: Ермолова М. Н. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М., 1955, с. 161–216.

21.

Гроссман, Театр Т, с. 61. Эта пьеса Мюссе немедленно переведена была на русский язык («Нужно, чтобы дверь была либо открыта, либо закрыта. Пословица в одном действии Альфреда де Мюссе». Пер. с франц. СПб., 1848). См. рецензию (И. И. Панаева?) на этот перевод в «Современнике» (1848, № 12, отд. 2, с. 198–199), а также страницы о пьесах Мюссе и об его русских подражателях в фельетонах А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика о русских журналах» в «Современнике» (1849, № 5 и 1850, № 2). Перепечатано в Собр. соч. А. В. Дружинина. СПб., 1865. Т. VI, с. 107 и 271.

22.

Достоевский, т. 9, с. 472–474.